

33. В 23
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СТАТИСТИКИ

ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

ЕЖЕГОДНИКЪ.

Издание Туркестанскаго Статистическаго Комитета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. А. МАЕВА.

ВЫПУСКЪ II.

*Сидь Магаметь Судоаръ
Ханъ Коканскій.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

губернаторъ Яркенда опасался его отпустить, но онъ съ большою рѣшимостью настоялъ на своихъ инструкціяхъ, и 5-го сентября двинулся въ обратный путь. Во время пребыванія въ Яркендѣ, онъ и его отрядъ помѣщались въ домѣ, нарочно для того построенномъ, по приказанію Аталика и снабженномъ всею яркендскою роскошью и даже нѣкоторыми любопытными подражаніями европейской мебели. Много времени проходило въ церемонныхъ свиданіяхъ съ датхою и въ переговорахъ объ отъѣздѣ, но г. Форсайтъ нашелъ возможность посмотреть кое-что въ городѣ и его предмѣстьяхъ и собрать много свѣдѣній. Проѣзжая мимо садовъ у стѣнъ, онъ и его товарищи ѣздили по широкимъ дорогамъ и тѣнистымъ аллеямъ, по странѣ, усѣянной подгородными деревнями и отдѣльными домами, окруженными фруктовыми садами и огородами. Вдоль по большой, сѣверной дорогѣ ежедневно ѣздили взадъ и впередъ джигиты изъ лагеря и въ лагерь Аталика, находившійся при Турфанѣ, въ 300 миляхъ отъ столицы. Джигиты—эти совершали весь путь, перемѣняя лошадей каждыя 15 или 20 миль, и проѣзжая ровною рысью по шести миль въ часъ. Повсюду въ сельскихъ округахъ видна мирная, дѣятельная промышленность, и работавшіе крестьяне смотрѣли на проѣзжавшихъ европейцевъ веселыми, любопытными глазами. Сады за городскими стѣнами суть модное мѣстожительство женщинъ высшаго класса. Женщины низшаго класса весьма искусны въ вышиваньѣ, и хотя вообще женщинамъ не дозволяется снимать покрывало въ публикѣ, но онѣ, повидимому, пользуются значительною свободой, и путешественники часто видали ихъ нарумяненные лица и сильно начерченные брови. Много подарковъ поднесли другъ другу датха и г. Форсайтъ. Порохъ, часы, бархатъ и парча были отдарены почетными халатами, мѣховыми плащами и 40 парами высокихъ сапоговъ.

Г. Форсайтъ, строго держась своихъ инструкцій, не могъ исполнить одной цѣли своей экспедиціи: лично выразить Аталику Гази дружеское расположеніе британскаго правительства; но онъ встрѣтилъ почетный пріемъ со стороны чиновниковъ Аталика, и самый фактъ его поѣздки могъ бы привести къ болѣе тѣснымъ, политическимъ и торговымъ сношеніямъ Восточнаго Туркестана съ Индіей. Путь, по которому онъ ѣхалъ, не совсѣмъ еще хорошо извѣстенъ, но теперь доказано, что онъ вполне удобенъ для лошаковъ и для верблюдовъ, а потому есть надежда, что по немъ вскорѣ будутъ въ лѣтнее время ходить караваны изъ Индіи и обратно.

Джизакъ и Самаркандъ.

Путевыя замѣтки.

I.

Ямщикъ—киргизъ уже позвякиваетъ колокольчикомъ, прилаживая хомуты на тройку тощихъ, изморенныхъ клячъ, именуемыхъ почтовыми лошадьми. Тарантасъ готовъ и извѣдавшій всѣ дорожныя невзгоды грумъ, въ послѣдній разъ обходить кругомъ экипажъ, высматривая—нѣтъ ли чего нибудь ненадежнаго, что грозитъ остановкою въ дорогѣ. Предстоитъ путь изъ полу-русскаго Ташкента въ классической Самаркандъ.

День отъѣзда нашего изъ Ташкента выдался жаркій и удушливый; это былъ одинъ изъ первыхъ дней запоздавшаго въ 1871 году, ташкентскаго лѣта. Но именно, благодаря довольно позднему появленію весны (въ концѣ марта) и перенадавшимъ по временамъ, благодатнымъ, лѣтнимъ дождямъ, растительность въ окрестностяхъ Ташкента и по всей ташкентско-самаркандской дорогѣ еще не успѣла выгорѣть и принять свой обычный лѣтній, сѣровато-желтый колоритъ. Все, что не было занято пашнями, покрыто было почти сплошнымъ цвѣтнымъ газономъ. Хорошъ былъ отдыхъ въ деревнѣ Зингъ-ата, первой станціи отъ Ташкента по чиназскому тракту. Здѣсь простились съ нами лица, провожавшія насъ изъ Ташкента. Палатка для отдыха разбита была въ густомъ саду, наполненномъ столѣтними карагачами, у мечети уважаемаго мусульманскаго святаго Зингъ-ата.

Въ первыхъ числахъ августа множество народа собирается сюда изъ Ташкента и изъ окрестныхъ кишлаковъ съ чаемъ, съѣстными припасами и пр. Привозятъ сюда также *бачей* (мальчиковъ—танцоровъ, служащихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для проституціи) и день, начатый молитвою у гроба Зингъ-аты, оканчивается далеко не религіозно. Праздника этого ждутъ съ нетерпѣніемъ туземные жители Ташкента, страстные до увеселеній

разнаго рода, особливо до всякихъ нескромныхъ зрѣлищъ. Въ настоящее время, впрочемъ, празднества въ Зингъ-ата утратили отчасти свой разнузданный характеръ и совершаются, сравнительно, весьма скромно.

Дорога къ станціи Нязбашъ проходитъ по нагорной, правой сторонѣ р. Чирчика и довольно извилиста. Съ лѣвой стороны ея тянется до самыхъ горъ плодородная долина, орошаемая рукавами Чирчика.

Станція *Старый Ташкентъ* устроена при развѣтвленіи Чирчика на два протока. Мѣстность здѣсь сильно холмистая и весьма живописна. Отъ Старога Ташкента идетъ спускъ по легкой покатости къ укрѣпленію Новый Чиназъ, на берегу р. Сыръ-Дарьи. Здѣсь находится третья станція и переправа на паромѣ чрезъ рѣку.

Чиназъ—небольшой городокъ, или лучше сказать—военный поселокъ, возникшій еще въ недавнее время, съ водвореніемъ русской власти въ Средней Азій. Въ Чиназѣ находится стоянка сыръ-дарьинскихъ пароходовъ; далѣе вверхъ по Дарьѣ они уже не ходятъ. Если разовьется пароходство по Сыру и не окажутся мыльнымъ пузыремъ составляющіяся по этому предмету компаніи, — тогда русскій Чиназъ будетъ имѣть значеніе и будущность. Если же нѣтъ—Чиназъ останется не долго военно-этапнымъ пунктомъ, какимъ онъ и есть въ настоящее время.

За Чиназомъ, на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, начинается уже степь, одно изъ самыхъ голыхъ и безотрадныхъ мѣстъ Туркестанскаго края. Въ началѣ, до первой станціи за Чиназомъ (кол. Малекъ), степь еще зелена, свѣжею, невысохшею травою; яркими, красными пятнами выдѣлялись на общемъ фонѣ мѣста, сплошь заросшія макомъ; желтый, красный или лиловый цвѣта смѣнялись одинъ другимъ, точно въ калейдоскопѣ. Но уже за станціею Малекъ, въ 23 верстахъ отъ Сыръ-Дарьи, рѣзко перемѣнился праздничный, нарядный видъ степи; и чѣмъ далѣе въ глубь степи, тѣмъ безотрадиѣе былъ видъ этой плоской, неоглядной равнины, усѣянной черепахами и воючимъ, нардовымъ растеніемъ *), съ толстымъ, мясистымъ стволемъ. Дать воду этой пустынѣ, значитъ вызвать ее къ жизни, и тогда необозримыя пространства чиназско-джизакской степи, теперь лежація впустѣ, могутъ быть житницей сосѣднихъ, густо-населенныхъ долинъ Чирчика и Ангрена. Генераль-губернаторъ уже принялъ мѣры къ орошенію этой степи; съемки и нивелировка, произведенныя въ 1869 и 1870 году барономъ Аминовымъ и г. Жуковскимъ, выяснили общій топографическій характеръ степи, опредѣленъ также и пунктъ на берегу Сыръ-Дарьи, откуда всего удобнѣе вести главный арыкъ, который послужитъ жизненною артеріею этой, изнывающей отъ жажды, степи.

*) *Scorodosma foetida*.

Степной арыкъ окончится у Мурза-Раббата, гдѣ и понынѣ сохранились развалины обширнаго караванъ-сарая, по преданію, построеннаго Абдуллаханомъ. Этотъ караванъ-сарай, изъ отличнаго жженнаго кирпича, предполагается реставрировать, какъ образецъ старины и обратить его къ прежнему назначенію: быть убѣжищемъ для проезжающихъ и для проходящихъ каравановъ. Но эта работа предпринята будетъ не прежде, какъ по окончаніи проектированнаго арыка.

Мурза-раббатскій караванъ-сарай весьма оригиналенъ по своему виду: это—большая, круглая комната, съ куполообразнымъ сводомъ, окруженная нѣсколькими меньшими комнатами, такого же вида, примыкающими къ ней и другъ къ другу. Въ караванъ-сарай этомъ устроена теперь, временно, станція и помещеніе для казачьей команды, почтовыхъ лошадей, ящиковъ и проч. Для этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробиты въ стѣнѣ окна, навѣшены двери.

Рядомъ съ мурза-раббатскимъ караванъ-сараемъ находится насыпной курганъ, на которомъ, по всей вѣроятности, располагались часовые. Говорятъ, что до взятія русскими Джизака были видны въ курганѣ двери, но предъ приходомъ русскихъ онѣ были завалены. Конечно, впоследствии это будетъ провѣрено.

При мурза-раббатскомъ караванъ-сарай, также какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ голодной, чиназо-джизакской степи, устроена *сардаба*, т. е. водохранилище, покрытое сверху сводомъ изъ жженаго кирпича, съ круглымъ отверстіемъ на верху свода, и съ окнами, приходящимися вровень съ землею. Снаружи, и особливо издали, сардабы кажутся низенькою мазарою или могилою, какія часто встрѣчаются въ киргизскихъ степяхъ; но если войти во внутрь постройки, то окажется, что пространство подъ сводомъ весьма значительно. Подъ высокимъ кирпичнымъ сводомъ освѣжительно-прохладно, тѣмъ болѣе, что полъ сардабы находится значительно ниже земли. Караваны въ прежнее время всегда находили здѣсь свѣжую воду, которая наполняла сардабу почти вровень съ нынѣшними окнами. Сардабы и понынѣ существуютъ въ Бухарскомъ ханствѣ, на большихъ караванныхъ путяхъ: тамъ онѣ еще полны водою. Чиназо-джизакскія же сардабы оскудѣли водою одновременно съ запусканіемъ джизакской степи, нѣкогда людной и хорошо воздѣланной, орошенной глубокими арыками, слѣды которыхъ видны и понынѣ.

Третья и ближайшая къ Джизаку станція, *Агачлы* помещается пока еще въ землянкахъ, вырытыхъ въ курганѣ. При станціи находится точно такое же водохранилище, какъ было описано выше и кромѣ того еще имѣется отдѣльный, недавно вырытый колодезь. Вода въ немъ прѣсная

и очень чистая: годна даже на чай, не такъ какъ вода другихъ колодезь — горько солонватая, хотя и не вредная для здоровья. Казаки и почтовые лошади постоянно пьютъ эту воду, безъ вредныхъ послѣдствій для здоровья.

Близокъ Джизакъ и русское укрѣпленіе Ключевое и хотъ не ждешъ ничего хорошаго отъ глинянаго азіятскаго городка и отъ плохаго, нездороваго укрѣпленія, а все таки пріятно выѣхать изъ стени въ мѣстность, населенную осѣдло живущими людьми.

II.

Рано утромъ, 18-го октября, выѣхали мы изъ Джизака, или вѣрнѣе — изъ поселка, образовавшагося въ весьма короткое время при вновь возводимомъ *Ключевомъ укрѣпленіи*. День былъ ясный и теплый: такіе дни на сѣверѣ Россіи могутъ быть развѣ въ серединѣ или въ концѣ августа. Только довольно свѣжій, ясный утренникъ напоминалъ иногда намъ о позднемъ времени года.... Выпадали и довольно холодныя ночи, такъ что въ арыкахъ замерзала вода. Такая холодная ночь выдалась и накануне нашего выѣзда изъ Джизака. Ярко горѣли на небѣ звѣзды, словно въ морозную, крещенскую ночь. При безоблачной, чистой атмосферѣ Средней Азіи, отчетливо видны были даже самыя мелкія звѣздочки; млечный путь стлался широкой полосой, уходившей своимъ отдаленнымъ концомъ за горы, отовсюду обступившія Джизакъ. За то, какъ свѣжо и очаровательно было утро, когда солнце обогрѣло воздухъ и смягчило рѣзкій, ночной холодъ! Какъ легко дышалось груди!...

Русскій поселокъ основанъ верстахъ въ пяти отъ азіятскаго города, при ключахъ, съ хорошею, здоровою водою: обстоятельство немаловажное, потому что азіятскій Джизакъ страдаетъ отъ дурнаго свойства воды, развивающей особую болѣзнь — ришту, свойственную нѣкоторымъ мѣстностямъ Средней Азіи. Эта болѣзнь состоитъ въ томъ, что подъ кожу появляется червь, достигающій иногда длины до 1 аршина. При этомъ все тѣло больного пухнетъ, ощущаются лихорадочныя симптомы, ломъ въ костяхъ. Если червь находится близко къ поверхности тѣла, то болѣзнь легко излечима: именно образуется на кожѣ нарывъ, который, созрѣвая, прорывается и изъ него показывается головка бѣловатаго червя — ришты. Паразита осторожно и мало по малу вытягиваютъ изъ подъ кожи. Но плохо, если червь оборвется: тогда онъ размножается въ невѣроятномъ количествѣ, потому что тѣло ришты наполнено множествомъ живыхъ зародышей и тогда больной страдаетъ сильно. Въ джизакскомъ госпиталѣ я видѣлъ туземцевъ со сведенными руками и ногами отъ пораже-

нія риштой. Если прибавить къ этому лихорадки, которыя также не рѣдкость въ Джизакѣ, то не удивительно, что жители называли его этимъ, вовсе не лестнымъ именемъ: джизакъ значить адъ.

Изслѣдованія А. П. Федченко выяснили путь, которымъ происходитъ зараженіе риштой. Дознано, что живые зародыши ришты развиваются первоначально въ микроскопическихъ ракахъ — циклонахъ и здѣсь проходятъ первую стадію своего развитія. При питьѣ воды изъ прудовъ (*хоузобъ*), изобилующихъ циклонами, проглатывается нечаянно, вмѣстѣ съ циклонами, и заключающаяся въ нихъ ришта. Въ тѣлѣ человѣка ришта достигаетъ второй стадіи своего развитія. Здѣсь у червя между прочимъ появляются половые органы, обособляются самки отъ самцевъ и оплодотворяются. Затѣмъ самцы умираютъ, а оплодотворенныя самки проникаютъ далѣе, въ тѣло человѣка и достигаютъ, наконецъ, подкожной клѣтчатки. Въ это-то время и можетъ быть произведена операція извлеченія ришты, операція, которую искусно выполняютъ туземные лекаря.

Ришта не встрѣчается въ русскомъ поселеніи, гдѣ много чистой, проточной воды, и нѣтъ надобности жителямъ брать изъ прудовъ воду для питья и для домашнихъ потребностей; укрѣпленіе Ключевое и получило свое названіе по ключамъ, дающимъ превосходную воду. Богъ вѣсть, почему не воспользовался этими ключами азіятскій Джизакъ, предпочитающій воду своихъ прудовъ. Но лихорадка и въ русскомъ поселеніи исправно посѣщаетъ жителей. Изъ гарнизона почти всегда болѣе $\frac{1}{3}$ больны лихорадкой, а во время нашего пріѣзда комендантъ и докторъ ходили измученные этой болѣзью.

Съ каждымъ годомъ разрастается и ширится Божья нива, кладбище, вѣчное *memento mori* всѣхъ, обреченныхъ судьбою коротать свои дни въ этомъ лихорадочномъ уголкѣ. Говорятъ, что самая мѣстность Ключеваго и Джизака не заключаетъ въ себѣ никакихъ источниковъ лихорадочной заразы, но что изъ ущелья, находящагося какъ разъ передъ Ключевымъ, постоянно дуетъ самый злокачественный вѣтеръ. Онъ наноситъ на Ключевое міазмы изъ болотистой яны-курганской равнины, засѣянной рисомъ.

Въ виду невыгоднаго въ санитарномъ отношеніи положенія Ключеваго, г. генералъ-губернаторъ рѣшилъ перевести расположенный здѣсь баталіонъ въ сосѣднее горное укрѣпленіе Ура-тюбе, оставивъ въ Ключевомъ только самый небольшой военный постъ, и какъ можно чаще смѣняя его гарнизонъ. Распоряженіе это, конечно, будетъ имѣть самыя благопріятныя послѣдствія.

Въ цитадели укр. Ключеваго хранятся и понынѣ орудія, взятая при

штурмъ Джизака; въ числѣ ихъ есть одно авганское. Всѣ мѣдныя орудія предполагается перелить въ колокола.

Ключевое укрѣпленіе и русскій поселокъ раскинулись на мѣстности довольно безотрадной. Голо и плоско кругомъ! Нѣтъ и въ поминѣ садовъ, которыми обрамлены всѣ азіятскіе города. Низенькая церковь, съ оградой кругомъ изъ сырцеваго кирпича, сырцовые домики, казармы и конюшни, нѣсколько длинныхъ зданій — казармъ, форменнаго вида и конструкціи.... Все это размѣстилось въ разброску, разгорожено большими пустырями. И Богъ вѣсть, разростется ли это поселеніе въ людной, русскій городъ, или вызванное изъ небытія силою административныхъ соображеній, оно останется жалкимъ, казеннымъ поселкомъ? Покуда — это только этапъ изъ Ташкента, чрезъ Чиназъ и голодную степь къ Самарканду.

Кругомъ Ключеваго укрѣпленія высятся горы; къ востоку далеко видна цѣлая гряда возвышенностей, бѣлѣвшихся недавно выпавшимъ снѣгомъ; синеватый туманъ клубился надъ ними: какъ видно снѣгъ разогрѣло осеннимъ солнышкомъ, и онъ паромъ уносился въ высь неба. Съ запада, прямо предъ Ключевымъ, высилась какая-то безымянная, крутая гора, усѣянная по скату и у подошвы огромными валунами глинистаго сланца, прорѣзаннаго большими жилами кварца. Кое гдѣ виднѣлись довольно значительныя массы этой горной породы. На самой вершинѣ горы, словно остатки какихъ-то разоренныхъ стѣнъ, темнѣли глыбы сланца. Оттуда, съ этихъ глыбъ открывается превосходный видъ на всю окрестность; видно, какъ на ладони, наше Ключевое укрѣпленіе, видѣнъ и Джизакъ, издали кажущійся такимъ уютнымъ, красивенькимъ, точно игрушечнымъ городкомъ. Не таковъ онъ на самомъ дѣлѣ! Отъ азіятскаго города нечего требовать красоты и опрятности!

Гора, оканчивающаяся съ одной стороны довольно отлогимъ гребнемъ, сливающимся постепенно съ равниною, съ другой стороны обрывисто обрамляетъ тѣснину, извивающуюся между невысокими холмами. Дальше, на краю горизонта еще горы, то группами, то отдѣльно стоящія, горы разной формы: и конусообразныя, и террасовидныя. Почти каждая изъ этихъ, отдѣльно стоящихъ вершинъ имѣетъ свои легенды, на которыя вообще такъ щедръ жители востока, съ ихъ пылкою, не знающею границъ, фантазією.

Бѣдно и какъ-то неряшливо смотритъ азіятскій Джизакъ, съ его обыденнымъ, общимъ видомъ, присущимъ всѣмъ городамъ востока, отъ Средиземнаго моря до Китая. Вотъ городская стѣна, и именно та часть ея, на которую былъ направленъ штурмъ; осенніе ливни смыли кровь съ земли, впечатлѣніе улеглось, все, повидному, вошло въ прежнюю, будничную колею, и только проломы въ стѣнѣ остались какъ бы памятни-

ками погрома, постигнаго Джизакъ. Замѣтны даже и понынѣ мѣста, гдѣ заложены были батареи.... А вотъ и могилы убитыхъ при осадѣ и штурмѣ города, который считался одною изъ сильнѣйшихъ бухарскихъ крѣпостей. Для защиты Джизака назначены были самыя лучшія войска эмира, въ томъ числѣ нѣсколько сотъ авганцевъ. Надъ укрѣпленіемъ Джизака трудились въ продолженіи восьми мѣсяцевъ нѣсколько тысячъ человѣкъ ежедневно. Тройной рядъ стѣнъ, изъ которыхъ внутренняя была самая высокая, окружалъ Джизакъ. Объ относительной высотѣ этихъ стѣнъ можно судить по наружной стѣнѣ, выстроенной незадолго до штурма: она имѣла 3½ саж. вышины и 4 саж. толщины. Каждая стѣна усиливалась рвами, имѣвшими каждый до 11 аршинъ глубины. Множество барбетовъ и построекъ, выдающихся внаружу, обстрѣливавшихъ перекрестнымъ огнемъ рвы и всю, впереди лежащую мѣстность, навѣсныя бойницы, дозорный путь по бермѣ, также съ закрытыми бойницами, — все это дѣйствительно придавало Джизаку грозный видъ и конечно — было верхомъ фортификаціоннаго искусства туземцевъ. Непритель работалъ надъ усиленіемъ крѣпости до самой послѣдней минуты предъ штурмомъ. Съ окрестныхъ горъ видна была въ городѣ усиленная, хлопотливая дѣятельность, бѣлѣлось множество палатокъ между городской стѣною и цитаделью. На барбетахъ и выступающихъ частяхъ стояло нѣсколько орудій, стрѣлявшихъ весьма мѣтко, да и вообще вооруженіе крѣпости было весьма исправно. Послѣ штурма найдено было въ крѣпости много ударнаго оружія, револьверовъ, гранатъ и т. п. Бухарцы приготовились къ отчаянной защитѣ: всѣ ворота были завалены и въ нихъ оставлены только небольшія калитки; часть сакель и базара была разрушена, для образованія эспланады; въ разныхъ мѣстахъ на стѣнѣ устроены засѣки изъ срубленныхъ и поваленныхъ деревьевъ.

Но молодецкій штурмъ нашихъ войскъ въ нѣсколько часовъ передалъ въ наши руки эту крѣпость, на неприступность которой такъ сильно рассчитывали бухарцы, бившіеся на штурмъ, — надо отдать имъ справедливость, — храбро и отчаянно. Часть гарнизона, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, заперлась въ пороховомъ складѣ, и взорвала себя на воздухъ, — подвигъ, для котораго надобно много хладнокровнаго мужества и отчаянной рѣшимости.

Это — прошедшее Джизака, хотя и весьма недавно прошедшее; теперь Джизакъ — мирный азіятскій городъ, одинъ изъ многихъ, подобныхъ ему городовъ, которые нежданно-негаданно для нихъ самихъ, да и для всей Россіи, подчинились власти Бѣлаго Царя. Довольны ли джизакцы своимъ нынѣшнимъ положеніемъ, примирились ли они, сжились ли съ мыслью о подданствѣ кафирамъ, порываются ли въ душѣ къ прежнимъ, бухар-

скимъ порядкамъ? — Богъ ихъ знаетъ!... Вотъ нѣсколько человѣкъ взобрались на крышу сакель и на низенькіе, глиняные заборы, чтобы поглазѣть на проѣзжихъ; аксакалы явились на поклонъ къ главному начальнику, глядятъ бороды, въ знакъ привѣтствія, и ничего нельзя прочесть на ихъ спокойныхъ, равнодушныхъ лицахъ. Конечно, нечего намъ ждать себѣ любви и искренней преданности отъ всѣхъ этихъ, сѣдобородыхъ мусульманъ, выросшихъ въ фанатической враждѣ ко всему, что не освящено закономъ Магомета. Надо ждать терпѣливо—что будетъ, когда подрастетъ новое, молодое поколѣніе.

Черезъ Джизакъ пролегаетъ прямой путь въ Самаркандъ изъ Кокана и Сыръ-Дарьинскаго района, откуда бы ни шли караваны или ни ѣхали путешественники. Отъ самаго Ключеваго укрѣпленія начинаются горы или вѣрнѣе—высокіе холмы, между которыми и пролегаетъ дорога въ Заравшанскій округъ. Это—такъ называемое ущелье Джеланъ-ута, скорѣе долина, пролегающая по сильно холмистой мѣстности. Кто будетъ представлять себѣ джизакское ущелье дѣйствительной расщелиной между вѣсковыми утесами, тотъ сильно ошибется. Мрачныхъ грандіозныхъ картинъ здѣсь не встрѣчается. Самое ущелье—то расширяется, когда горы, понижаясь, отходятъ вправо и влево, на болѣе дальнее разстояніе, иногда же суживается, имѣя кое-гдѣ сажень 40 ширины, не болѣе. Дорога, проходящая по ущелью, не всегда пролегаетъ по ровной мѣстности; она иногда взбирается на террасовидный склонъ горъ, обрамляющихъ ущелье, и вы видите подъ собою, саженьхъ въ десяти, плоскость, затопляемую водой весной. Иногда встрѣчаются какія-то пустопорожни пространства, словно огороженные стѣною, мѣстами уцѣлѣвшею, мѣстами разрушившеюся.... А можетъ быть это и въ самомъ дѣлѣ слѣды нѣкогда производившейся здѣсь земледѣльческой дѣятельности человѣка. Ущелье Джеланъ-ута не всегда было такъ пустынно, какъ нынѣ. По преданію, оно было когда-то покрыто пашнями и садами, наполняемыми протекающею по ущелью извиристою рѣчкою Джеланъ-ута. Слѣды арыковъ, несомнѣнно существовавшихъ здѣсь, видны еще во многихъ мѣстахъ. Теперь ущелье снова оживаетъ, какъ это и должно ожидать. Но пройдетъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока земля, обильно напоенная кровью, снова покроется жатвами.

А много крови лилось въ ущельѣ Джеланъ-ута, въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, вѣроятно еще задолго до походовъ Александра Македонскаго. Есть здѣсь и памятникъ одной изъ кровавыхъ битвъ, которая происходила въ ущельѣ, или около него: это, такъ называемая, Тамерланова скала. Верстахъ въ десяти отъ Ключеваго укрѣпленія, въ ряду горъ, обрамляющихъ ущелье, возвышается неприступная, почти отвѣсная скала

изъ глинистаго сланца *). Напротивъ ея высится другая, менѣе неприступная гора, мѣстами покрытая скудною зеленью, мѣстами чернѣющая своими обнаженными ребрами. Здѣсь—одно изъ самыхъ узкихъ мѣстъ ущелья Джеланъ-ута. На высокой, отвѣсной скалѣ, съ правой стороны ущелья (если ѣхать изъ Джизака), высѣчена, саженьхъ въ пяти отъ земли, персидская надпись, въ которой говорится о побѣдѣ, одержанной извѣстнымъ Абдулла-ханомъ, надъ китай-кипчаками и другими окрестными народами. Вотъ, эта надпись:

«Да вѣдають проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и водѣ, что въ 979 году происходило сраженіе между отрядомъ вмѣстилища калифатства, тѣни Всевышняго, великаго хакана Абдулла-хана, сына Искандеръ-ханова, въ 30 тысячъ человѣкъ боеваго народа и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей. Сказаннаго отряда (было) всего родичей султановъ до 50 тысячъ человѣкъ и служащихъ людей до 400 тысячъ изъ Туркестана, Ташкента, Фергана и Дешта-Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду. Побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей, убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну, въ теченіи одного мѣсяца въ рѣкѣ Джизакской (рѣчка Джеланъ-ута) на поверхности воды текла кровь. Да будетъ это извѣстно!»

Рядомъ съ этой надписью, повѣствующей о кровожадномъ подвигѣ извѣстнаго въ Средней Азійи Абдулла-хана, находится другая, персидская надпись:

«Съ помощью Господа Бога, великій султанъ, покоритель царей и народовъ, тѣнь Божія на землѣ, опора постановленій сунны и закона божескаго, государь, вспомошествовавшій вѣрѣ, Улугъ-бекъ - Гуруганъ (да продлитъ Богъ время его царствованія и правленія), предпринялъ походъ въ страну Джеты и Монголовъ и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ, въ 828 новолунномъ году».

Азіятскіе владыки, желавшіе навсегда сохранить воспоминаніе о своей побѣдѣ, не могли для того избрать лучшаго памятника. Еще издалека чернѣется скала своимъ рѣзкимъ контуромъ и невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе проѣзжающаго. Въ особенности же величественъ вблизи видъ этой скалы, съ ея разорванными, потрескавшимися боками. Щебень и валуны разной величины, происшедшія отъ вывѣтриванія сланцевой массы

* Эта, обще-распространенная горная порода, преобладаетъ и въ джизакскихъ горахъ.

скалы, покрывают ущелье даже и на довольно большомъ разстояніи отъ подножія Тимурова утеса.

За ущельемъ опять начинается тотъ же степной, однообразный колоритъ, который присущъ всей Средней Азии, за весьма немногими исключениями. Голая пыльная равнина, покрытая выгорѣвшими отъ зноя, колючими растеніями. Слева синѣются на краю горизонта отдаленныя гряды горъ. Это—тѣ горныя хребты, пока еще малоизвѣданные нами, за которыми, какъ за стѣною, укрывается воинственное население Шахрисябза. Тамъ родина Тамерлана или Тимуръ-ленга. Справа виднѣются также горы, сначала еще на довольно близкомъ разстояніи, а потомъ отходя все далѣе и далѣе. Это кряжъ Акъ-тау, продолженіе хребтовъ: Шагапъ-тау, Сузангиранъ-тау и Османъ-тау, высящихся при истокахъ Заравшана, въ самой дикой и неприступной части Бухарскаго ханства. Мѣстами ровная, степная поверхность, лежащая между двумя упомянутыми хребтами, начинаетъ замѣтно всхолмляться; дорога идетъ по вершинѣ и по скатамъ этихъ пологихъ холмовъ и въ теченіи многихъ столѣтій успѣла уже превратиться изъ простой колеи въ довольно глубокую ложбину, наполненную массою пыли. Холмистость мѣстности особенно замѣтна у Ташъ-купрюка (Каменнаго моста), гдѣ теперь расположено небольшое русское укрѣпленіе. Съ вершины одного изъ здѣшнихъ холмовъ, видна вдаль возвышенная гряда Чупанъ-ата, съ мазаромъ (могилою) на верху возвышенности. Чупанъ-ата находится уже въ восьми верстахъ отъ Самарканда.

Во время двукратнаго объѣзда генераль-губернаторомъ Заравшанскаго округа, въ Ташъ-купрюкѣ собирались, для встрѣчи начальника края, главнѣйшія почетныя лица Самарканда. Множество народа также ожидало здѣсь пріѣзда главнаго начальника края и сопровождали его верхами, до самаркандской цитадели. Здѣсь же въ 1871 году г. генераль-губернатора встрѣтилъ соперникъ Ширъ-Али-хана кабульскаго, Абдурахманъ-ханъ; живущій въ настоящее время постоянно въ Самаркандѣ. Абдурахманъ-ханъ выѣхалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими авганами, изъ числа своей свиты, чтобы привѣтствовать въѣзжающаго въ предѣлы Заравшанскаго округа, главнаго начальника края. Личность авганскаго принца весьма замѣчательна; онъ рельефно выдѣляется, подобно тому, какъ выдѣлялся въ свое время его знаменитый дѣдъ, Достъ-Могамедъ-ханъ. Исторія его жизни есть исторія кровавыхъ смутъ за авганскій престолъ; чтобы лучше обрисовать личность авганскаго вождя, мы постараемся вкратцѣ передать его біографію:

У Достъ-Мохамедъ-хана было, какъ извѣстно, 16 сыновей; четверо изъ нихъ были еще слишкомъ молоды, но изъ остальныхъ, старшихъ, каждый стремился достигнуть первенства и власти въ Кабулѣ. Наиболѣе

дѣятельными и энергическими соперниками были пять братьевъ: Авзулъ-ханъ, Азимъ-ханъ (родные братья отъ одной матери), Ширъ-Али-ханъ, Элимъ-ханъ и Шерифъ-ханъ (все братья отъ другой матери). Ширъ-Али-ханъ, послѣ долгихъ смутъ, овладѣлъ Кабуломъ и былъ признанъ авганскимъ эмиромъ; въ этомъ санѣ признало его и англійское правительство въ Индіи. Но остальные братья не могли помириться съ мыслью о первенствѣ Ширъ-Али-хана. Первые возстали на брата Азимъ-ханъ и Авзулъ-ханъ; однако войска союзниковъ были разбиты кабульскимъ эмиромъ и братья поневолѣ должны были помириться съ Ширъ-Али-ханомъ.

Въ это время впервые начинаетъ дѣйствовать самостоятельно сынъ Авзулъ-хана, Абдурахманъ-ханъ. Эмиръ кабульскій потребовалъ его къ себѣ, въ Кабуль, но Абдурахманъ, не довѣряя дядѣ, бѣжалъ въ Бухару, къ своему тестю, эмиру; это было 14-го ноября 1864 года. Ширъ-Али-ханъ, озлобленный поступкомъ Абдурахманъ-хана, заключилъ въ тюрьму его отца, Авзулъ-хана.

Весною слѣдующаго года опять возсталъ Азимъ-ханъ, а Абдурахманъ съ своими приверженцами двинулся съ сѣвера. Ширъ-Али-ханъ бодро встрѣтилъ враговъ и 6-го іюня близъ Келашъ-и-Гильзы разбилъ ихъ, но потерялъ въ этой битвѣ своего старшаго сына, котораго убилъ на единоборствѣ Азимъ-ханъ. Разбитые инсургенты удалились въ Кандагаръ. Абдурахманъ-ханъ наскоро собралъ бухарскія войска и снова явился въ Авганистанъ, въ этотъ разъ уже съ большою удачею. Балхъ призналъ его власть и Абдурахманъ двинулся прямо на Кабуль. Лучшій изъ кабульскихъ военачальниковъ, Магомедъ-Рефинъ также передался ему, оскорбленный сыномъ Ширъ-Али-хана. Наконецъ на его сторону встали также Шерифъ-ханъ и Авузь-ханъ. 19-го февраля 1866 года Абдурахманъ-ханъ вступилъ въ Кабуль, сданный ему вслѣдствіе измѣны, и освободилъ изъ тюрьмы своего отца, Авзулъ-хана, который тотчасъ же и былъ провозглашенъ эмиромъ. Не смотря на помощь и денежную поддержку англичанъ, Ширъ-Али-ханъ не могъ бороться съ племянникомъ, былъ еще два раза разбитъ и 6-го января 1867 года бѣжалъ въ Гератъ. Два слѣдующіе года продолжалась упорная борьба. Наконецъ, въ маѣ 1868 года снова восторжествовалъ Ширъ-Али-ханъ; Кабуль былъ взятъ его приверженцами, Азимъ-ханъ и Абдурахманъ-ханъ, разбитые на голову, бѣжали въ Мешгедъ. Отсюда, въ октябрѣ 1869 г., во время перваго посѣщенія г. генераль-губернаторомъ Самарканда, отправилъ онъ пословъ въ Самаркандъ, искать у русскихъ помощи и защиты. Абдурахманъ-ханъ не просилъ помощи войсками: онъ понималъ, что русскому правительству нѣтъ никакой надобности вмѣшиваться въ распри изъ за кабульскаго престола. Онъ просилъ принять его подъ покровительство свое. Генераль-губернаторъ отвѣ-

тиль, что если Абдурахманъ-хану некуда приклонить голову, то гостеприимство будетъ ему оказано.

Въ мартѣ 1870 года Абдурахманъ-ханъ, съ разрѣшенія г. генералъ-губернатора, приѣхалъ со своею свитою въ Ташкентъ и въ настоящее время живетъ въ Самаркандѣ, зорко присматриваясь къ событіямъ въ Авганистанѣ и вѣроятно—не покидая свои честолюбивые планы.

Начальника края сопровождалъ блестящій своими нарядами и многочисленный кортежъ: толпа всадниковъ, въ богатыхъ халатахъ, съ бѣлыми и красными чалмами. Недолго всадники-самаркандцы ѣхали мирно, гарцуя и красуясь на своихъ статныхъ коняхъ; скоро началась потѣха, любимая ихъ игра *кукъ-бари*. Нѣсколько человѣкъ отдѣлились отъ толпы и заѣхали въ ближній кишлакъ; минутъ черезъ пять они воротились съ убитымъ козленкомъ, перекинутымъ черезъ сѣдло. «Козла будутъ рвать!» пояснилъ мнѣ конвойный казакъ.

Нѣсколько минутъ участвующіе въ игрѣ совѣщались между собою. Болѣе пожилые люди и аксакалы въ жалованныхъ халатахъ отъѣхали въ сторону, очевидно не желая принимать участія въ отчаянной и опасной игрѣ. Молодежь съ нетерпѣніемъ развѣзжала, ожидая начала бѣшеной скачки и зорко слѣдя за всѣми движеніями всадника, державшаго въ рукѣхъ козленка. Онъ ѣхалъ медленно, повидимому не обращая ни на кого вниманія. Красная чалма и простой, синій халатъ удивительно, какъ шли къ его смуглому, загорѣлому лицу, обрамленному густою, черною бородой.

Вдругъ всадникъ, державшій козленка, громко гикнулъ и, какъ стрѣла, помчался впередъ, размахивая нагайкой. Вся толпа всадниковъ кинулась за нимъ, тѣсня и толкая другъ друга. Поднявшаяся густая пыль на мгновеніе скрыла всѣхъ состязающихся... Но вотъ изъ пыльнаго облака выдѣлился одинъ, другой, третій всадникъ. Пока одинъ, настигнувъ передоваго всадника, старался вырвать у него изъ рукъ козленка, другой заскакивалъ впередъ и пытался отрѣзать ему дорогу. Но силенъ и ловокъ былъ передовой удалецъ, въ красной чалмѣ; онъ быстро перебрасывалъ козленка съ одной стороны сѣдла на другую, отбивался нагайкой отъ слишкомъ назойливыхъ преслѣдователей... Вотъ одинъ изъ смѣльчаковъ успѣлъ ухватиться за козленка, и оба соперника помчались рядомъ, напрягая всѣ усилія, чтобы вырвать одинъ у другаго добычу или столкнуть соперника съ сѣдла. Съ гикомъ преслѣдуютъ ихъ остальные состязающіеся. Послѣ долгой, упорной борьбы, козленокъ или, лучше сказать, большой изорванный кусокъ мяса достался въ руки молодому, красивому таджику. Онъ, какъ змѣя, увертывался отъ преслѣдователей, нѣсколько разъ бросался изъ стороны въ сторону, ловко поворачивая коня въ ту минуту, когда,

казалось, нѣсколько человѣкъ готовы были налетѣть на него и вырвать изъ рукъ добычу. Уже всадниковъ десять оставили участіе въ игрѣ и только издали слѣдовали за состязающимися. Таджикъ теперь еще смѣлѣе увертывался отъ нападающихъ, по временамъ поднимая кверху козленка и какъ бы поддразнивая тѣмъ соперниковъ... Добыча осталась въ его рукахъ. Часа черезъ два послѣ того, онъ былъ представленъ генералъ-губернатору, какъ побѣдитель въ игрѣ, и, конечно, получилъ щедрую награду за свою удалъ.

Любуясь бѣшеною скачкой и игрой, мы незамѣтно проѣхали 30 верстъ, отдѣляющихъ Ташъ-купрюкъ отъ Самарканда. Начались сады, поля, засѣянные рисомъ, пшеницей, кукурузой, огороды, съ низенькими, глиняными заборами. Арыки безпрестанно пересѣкали дорогу. Около дороги, обсаженной ветлами и тузовыми деревьями, лѣпились сакли подгородныхъ жителей. По всему замѣтна была близость большаго города, люднаго мѣста. Вотъ и Заравшанъ, быстрый и прихотливый, кормилецъ всей плодородной Міанкальской долины: не даромъ и назвали его бухарцы „раздавателемъ золота“. За Самаркандомъ и еще болѣе за Бухарою, онъ почти весь расходится по окрестнымъ садамъ, пашнямъ и лугамъ, вызывая изъ земли роскошнѣйшую растительность и неслыханные урожаи. Говорятъ, что Заравшанъ уноситъ съ своимъ иломъ также и частицы золота; но если бы даже въ немъ, съ сотворенія міра, не встрѣчалось ни одной золотой крупинки, то и тогда Заравшанъ останется навсегда драгоцѣннѣйшею рѣкою всего Бухарскаго ханства. Значеніе его не въ золотѣ, которое онъ уноситъ, а въ плодородіи, разливаемомъ имъ по всей окрестной странѣ.

У Самарканда Заравшанъ не течетъ уже въ высокихъ, обрывистыхъ берегахъ, а разливается по равнинѣ, усѣянной рѣчною галькою, и разбивается на нѣсколько протоковъ. Главное русло довольно глубоко и чрезвычайно быстро, такъ что при переправѣ черезъ Заравшанъ весьма часто опрокидываются экипажи отъ сильнаго напора воды. Весною Заравшанъ затопляетъ всю равнину, отъ самаго подножія высотъ Чупанъ-ата, и тогда доступъ къ Самарканду съ этой стороны, конечно, весьма труденъ. Именно во время такого разлива и переправились русскія войска чрезъ Заравшанъ 1-го мая 1868 года, чтобы штурмовать неприступныя Чупанъ-атинскія высоты, уставленные орудіями и покрытыя массами непріятеля. Позиція была весьма сильная; войска эмира вдесятеро превосходили русскій отрядъ, но нашъ солдатъ не задумывается предъ препятствіями. Высоты были взяты штурмомъ.

Разсказываютъ, что во все время штурма 1-го мая, въ мазарѣ или могилѣ, находящейся на вершинѣ Чупанъ-ата, сидѣлъ старикъ-мулла и молился, читая коранъ. Когда бухарцы очистили высоты, въ мазару вошелъ

одинъ изъ нашихъ офицеровъ, баронъ Рене; едва успѣлъ онъ переступить порогъ; какъ мулла пустилъ ему въ голову тяжелымъ камнемъ. Подоспѣвшіе казаки изрубили фанатика.

III.

Окрестности Самарканда чрезвычайно хорошо обработаны и густо заселены; загородные дома и постройки встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу. Поэтому здѣсь нѣтъ той рѣзкой, граничной черты между городомъ и подгородною, совершенно открытою, ровною мѣстностью, какая замѣчается почти во всѣхъ средне-азіятскихъ городахъ, особливо же въ Туркестанѣ, Чемкентѣ, Бискентѣ, и нѣкоторыхъ другихъ. Дорога въ городъ идетъ у самага ската довольно крутой возвышенности, на которой кое гдѣ виднѣются прилѣпленныя постройки. Ниже—протекаетъ какая-то рѣченка или арыкъ съ перекинутыми черезъ него, животрепещущими мостиками. За рѣчкой опять сакли, сады, огороды. Вотъ показались съ правой стороны груды мусору и камней, кое гдѣ покрывшіяся уже высокою, густою травою, и даже мѣстами заросшія деревьями. Это—*Калаи Афросіабъ*, мѣсто бывшаго когда-то богатаго и обширнаго города, еще времени до-исламистскихъ. Здѣсь былъ Самаркандъ огненпоклонниковъ. Въ этой грудѣ мусора таится, вѣроятно, много замѣчательныхъ древностей, которыя когда нибудь бросятъ свѣтъ на многія загадочныя страницы жизни Самарканда. Мѣсто, гдѣ стоялъ когда-то древній Самаркандъ, — *Мариканда* времени Александра Македонскаго, носитъ названіе свое Калаи-Афросіабъ, по имени Афросіаба, мифическаго героя азіятской древности. Афросіабъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ и соратникомъ Зааломъ, были знаменитѣйшими героями Турана. Афросіабъ былъ сынъ Тура, перваго туранскаго властителя; Зааль, владѣтель Систана, былъ вскормленъ птицею *хумъ* (фениксъ), которая научила его, какъ должно побѣждать *дивовъ*, злыхъ мифическихъ существъ, опустошавшихъ въ то время страны Турана. Зааль и Афросіабъ дѣйствительно побѣдили дивовъ и загнали ихъ куда-то далеко, въ горы. Помѣщаемъ эти подробности для того, чтобы показать: къ какой отдаленной, баснословной древности относится основаніе Самарканда, стоявшаго нѣкогда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь видна одна только неровная, изрытая пещерами и подземными ходами мѣстность.

Съ высокихъ холмовъ Афросіаба виднѣется на значительное пространство вся окрестная мѣстность; изъ зеленой полосы городскихъ садовъ вырисовываются куполы мечетей и медресе, между которыми яснѣе всего видна Шахъ-Зинде. Кругомъ, на холмистой, пересѣченной мѣстности замѣтны слѣды когда-то бывшаго здѣсь обширнаго поселенія, свидѣтеля столь-

нихъ переворотовъ въ судьбахъ Азіи. На одной изъ возвышенностей преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ стоялъ дворецъ Афросіаба, и гдѣ позже пировалъ Александръ.

Проѣхавъ городскую стѣну, глиняную, невзрачную, мѣстами потрескавшуюся, въѣзжаютъ въ самый городъ. Если вы не успѣли еще отрѣшиться отъ надежды насладиться видомъ знаменитѣйшаго изъ среднеазіятскихъ городовъ столицы Тамерлана, издревле прославленной на востокъ, то вы горько разочаруетесь. Самаркандъ былъ когда-то славенъ своими мечетями, дворцами и медресе. Но теперь отъ эпохи его минувшей славы осталось одно только слабое воспоминаніе! Великолѣпныя изразцовыя постройки разрушаются съ каждымъ годомъ отъ времени, землетрясеній, невѣжества и апатіи среднеазіятцевъ. Обрушившіяся части стѣнъ старинныхъ зданій не реставрируются, хотя кирпичи съ великолѣпною, изразцовой голубою мозаикою и валяются тутъ же, на улицѣ, или на дворѣ медресе, а просто на просто замазываются глиной. Эти сѣрыя, глиняныя заплатки непріятно поражаютъ глазъ каждаго, не зараженнаго азіятскимъ равнодушіемъ къ замѣчательнымъ остаткамъ старины. Самый городъ, съ его узкими, кривыми улицами, глиняными заборами, низенькими домишками, невзрачными и небогатыми лавченками, — со всей этой простой, будничной обстановкой захолустья, похожъ на всѣ среднеазіятскіе города. Самаркандъ скрашиваютъ только немногія изъ удачно сохранившихся мечетей и медресе времени Тимура и его ближайшихъ потомковъ. Лучшія изъ нихъ—медресе Тилля-кара, Ширдаръ и Улугъ-беги, — окружаютъ просторную, базарную площадь. Особенно замѣчательно медресе Улугъ-беги, съ его высокими минаретами, слегка покосившимися равномерно въ обѣ противоположныя стороны, тогда какъ самыя стѣны медресе остались совершенно вертикальными. Медресе Улугъ-беги нѣкогда славилось своимъ училищемъ и обсерваторією, и болѣе всѣхъ самаркандскихъ построекъ пострадала отъ времени и землетрясеній. Слѣды разрушеній особенно явственны внутри, если взглянуть со двора медресе на куполь и стѣны этой, нѣкогда знаменитой постройки.

Съ высокихъ минаретовъ медресе Улугъ-беги стрѣляли по русскому отряду шахрисябцы въ памятные дни осады самаркандской цитадели (іюнь 1868 года).

Базаръ, часть котораго была разорена и сожжена въ наказаніе за измѣническое нападеніе самаркандцевъ на русскій отрядъ, нынѣ вновь отстроенъ, гораздо лучше, чище и просторнѣе прежняго. Нѣтъ уже въ немъ узкихъ, грязныхъ закоулковъ; улицы широкія, лавки просторныя, свѣтлыя. Кругомъ всей цитадели оставлена широкая эспланада, для удоб-

наго обстрѣливанія города, въ случаѣ нападенія. И самая цитадель совершенно преобразована послѣ занятія ея русскими войсками. Теперь въ ней возникъ маленькій, русскій городокъ, или лучше сказать — военный поселокъ. Кучи мусора еще видны во многихъ мѣстахъ внутри цитадели: тамъ прежде лѣнились сакли, жилища бухарскихъ войскъ или сарбазовъ, артиллеристовъ и проч. Теперь на мѣстѣ сакель понастроены казармы, конюшни, артиллерійскіе и провіантскіе склады и цейхгаузы. Домъ бывшаго самаркандскаго бека обращенъ въ помѣщеніе для начальника Заравшанскаго округа, генераль-маіора Абрамова. Въ другихъ зданіяхъ, передѣланныхъ на-скоро на европейскій ладъ, размѣстились офицеры и вообще служащій людъ. Мечети обращены въ разные склады, въ стѣнахъ цитадели грозно выглядываютъ русскія орудія и виднѣтся бѣлая рубашка и кепи часоваго. Все измѣнилось, все приняло новый видъ, не похожій на прежній.

Пройдемте по главной улицѣ, прямо отъ восточныхъ воротъ цитадели; домъ начальника округа самое замѣтное зданіе на этой широкой, просторной улицѣ. Высокое крыльцо поддерживается нѣсколькими витыми колонками, и самое зданіе совершенно передѣлано на европейскій образецъ изъ бывшей неуклюжей, бухарской постройки. Предъ домомъ — небольшой прудъ, окруженный деревьями. Противъ самаго крыльца, въ полугорѣ, видны низенькіе, сѣрые домики: это отдѣльныя помѣщенія для ротъ, составляющихъ гарнизонъ самаркандской цитадели. Далѣе, по той же улицѣ, бѣлѣтся русская церковь, во имя св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Эта церковь камечная, весьма изящная, частію передѣлана изъ мечети; по крайней мѣрѣ внутренность церкви въ своихъ колоннахъ и различныхъ архитектурныхъ украшеніяхъ, вполне сохранила граціозный и легкій восточный, архитектурный стиль. Храмъ св. Георгія въ Самаркандѣ, безъ сомнѣнія, лучшая изъ всѣхъ церквей, воздвигнутыхъ понынѣ въ Туркестанскомъ краѣ. За церковью виднѣются зданія артиллерійскаго вѣдомства, вновь отстроенныя въ 1869 году, а напротивъ ихъ — помѣщеніе клуба, лавки и гостинница «Бухара», съ отдѣльными номерами для пріѣзжающихъ.

Неподалеку отъ церкви возвышается среди площади скромный памятникъ, въ видѣ бѣлой, каменной пирамиды, надъ могилою офицеровъ и солдатъ, убитыхъ во время осады самаркандской цитадели возмущившимися жителями, шахризбцами и пиянджекентцами. Здѣсь погребены: поручики Лепехинъ, Служенко, Губинъ и титулярный совѣтникъ Ивановъ. У самой стѣны цитадели виднѣтся и другой, скромный памятникъ: крестъ надъ небольшою насыпью, прикрывающею входъ въ склепъ; это могила И. А. Хлудова, умершаго во время самой осады цитадели.

Есть и еще, въ самой цитадели, двѣ скромныя могилы у мечети Чагаръ-дагумъ; здѣсь на мусульманскомъ кладбищѣ погребены убитые въ кара-тюбинскомъ сраженіи: докторъ Абдіевъ и джигитъ Сеидъ-Ахрымъ. На памятникѣ Абдіева, имѣющемъ общій видъ надгробныхъ мусульманскихъ саркофаговъ, изсѣчена надпись: «это могила прославленнаго, прощеннаго за грѣхи, святаго, Оренбургской губерніи, мѣстечка Бяли (Беле-лебий), доктора Ахметъ-Дисана (Абдіева), нашедшаго смерть въ кара-тюбинскомъ боѣ, 27-го 1285 г. (1868 г.) на 33-мъ году отъ роду; погребенъ 28-го мая. И Бѣлый Царь оказалъ милости». На могильномъ памятникѣ Сеидъ-Ахрыма находится надпись: «въ этой могилѣ покоится прославленный, прощенный за грѣхи конводамецъ, жившій въ городѣ Алматинскѣ (Вѣрномъ) Сеидъ-Ахрымъ-Сеидъ-Ахметовъ, нашедшій смерть въ кара-тюбинскомъ боѣ 27 мая. Погребенъ 28 мая 1285 г.»

Обѣ надписи, какъ видите, весьма простыя и далеко не въ духѣ восточнаго краснорѣчія. Это не то, что надпись надъ могильной плитою какого нибудь вліятельнаго лица бухарской администраціи, а о ханахъ и эмирахъ мы уже и не говоримъ! Для контраста, приведемъ надпись на камнѣ, покрывавшемъ нѣкогда могилу узбекскаго властителя, Магомета-Шибани, (умеръ въ 977 году гиджры, т. е. 1569 г. по Р. Х.). Вотъ что гласитъ правовѣрнымъ эта громозвучная надпись (стихи), въ которой цвѣты восточнаго краснорѣчія разсыпаны уже черезчуръ щедрою рукою:

«Небо счастья, Шибани-Магометъ-ханъ, царь вселенной, котораго красота и нѣжности завидовалъ небесный мѣсяцъ».

«Судьба сожалѣетъ о своей жестокости и несправедливости. Небо сильно раскаивается въ своей недобросовѣстности. Сердце стонетъ отъ криводушія неправосуднаго неба»,

«Отъ котораго населенный міръ повернулся лицомъ къ сторонѣ разрушенія. Если умъ спроситъ тебя о годѣ его смерти, отвѣчай: «о, сто сожалѣній о Магометъ-ханѣ-Шибани!»».

Сложенныя вмѣстѣ, начальныя буквы словъ, составляющихъ это послѣднее восклицаніе, составляютъ 977, т. е. годъ смерти хана Шибани. Этотъ любопытный надгробный камень взятъ ротм. Терентьевымъ изъ развалинъ воротъ Акъ-Дервазе, въ самаркандской цитадели, 8 іюня 1868 года. Препровожденный въ С.-Петербургъ, онъ хранится въ настоящее время въ Императорскомъ эрмитажѣ.

Въ самаркандской цитадели находился дворецъ (аркъ) эмира бухарскаго. Но.... «слава, насъ учили, дымъ»! Дворецъ грознаго эмира обращенъ русскими въ госпиталь, для чего большія, свѣтлыя комнаты азіатскаго властелина оказались какъ нельзя болѣе пригодными. Нельзя упре-

каты за это въ вандализмѣ, потому что комнаты дворца, въ архитектурномъ отношеніи, не представляли рѣшительно ничего замѣчательнаго, выходящаго изъ ряда вонъ; тѣже стрѣльчатые ниши, росписные потолки, какъ и въ домахъ всѣхъ зажиточныхъ азіятцевъ. Большая пріемная зала, или вѣриѣ—дворъ, на которомъ находится замѣчательная древность— тронъ Тимура, сохраняется неприкосновенною. Особливо оберегается главная стѣна, насупротивъ входа, гдѣ на возвышенной, каменной террасѣ лежитъ огромный камень, слывущій подъ названіемъ *кокь-таша*, или синяго камня, хотя въ сущности онъ вовсе не имѣетъ этого цвѣта, и есть простой, сѣроватый мраморъ. На этомъ камнѣ, какъ извѣстно, стоялъ тронъ Тимура. Видѣнъ въ стѣнѣ и другой, овальный камень, также покрытый арабскою надписью, и который Вамбери принялъ за овальный кусокъ желѣза. Все это, по приказанію генераль-губернатора, сохраняется въ неприкосновенности, и охраняется достоподобнымъ образомъ.

Весьма замѣчательна также могила Тимура, находящаяся въ юго-западной части города. Часовня эта (Гурь-эмиръ) отличается граціознымъ и изящнымъ стилемъ всѣхъ своихъ украшеній, преимущественно внутри, подобно всѣмъ архитектурнымъ памятникамъ тамерлановой эпохи. Снаружи часовня значительно пострадала отъ времени и землетрясеній; половина ея лазореваго купола обвалилась, и, по азіятскому безвкусію, замѣнена глиняными настройками, еще въ добавокъ — непропорціональных размѣровъ. Внутри, какъ мы сказали, часовня хорошо сохранилась и пріятно поражаетъ глазъ своею граціозною отдѣлкой. Алебастровыя украшенія и арабески, священныя надписи на стѣнахъ — все это производитъ одно общее, весьма выгодное впечатлѣніе. Посреди часовни, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ въ склепѣ находится могила Тимура, лежитъ камень, чернаго цвѣта, съ вырѣзанною на немъ мусульманскою молитвою. Это и есть саркофагъ Тимуръ-ленга. Въ прежнее время могильный камень Тимура окруженъ былъ весьма изящною, рѣзною, мраморною рѣшеткою; отъ этой рѣшетки сохранился только небольшой кусокъ. По приказанію генераль-губернатора, рѣшетка реставрирована, и по сохранившемуся случайно образцу, заказана другая, также изящная, мраморная рѣшетка. Мастера, работавшіе эту рѣшетку, были вызваны изъ Бухары и сохранившійся случайно кусокъ старой рѣшетки, окружавшей когда-то могилу Тамерлана, послужилъ отличнымъ образцомъ для ихъ реставраціонныхъ работъ. Точно также реставрирована часовня Гурь-эмиръ и во всѣхъ другихъ частяхъ, гдѣ только было возможно. Дворъ часовни очищенъ отъ накопившагося сору и мусору; расчищены также боковыя часовенки, гдѣ погребены жены и нѣкоторые другіе члены семьи грознаго эмира, причемъ подъ грудями мусора открытъ былъ между прочимъ еще одинъ надмогильный камень.

Ступени, ведущія внутрь часовни, гдѣ лежитъ прахъ Тимура, сдѣланы мраморныя, а входъ въ часовню прикрытъ сквозною, деревянною рѣшеткою, весьма изящнаго рисунка, въ азіятскомъ вкусѣ. Къ сожалѣнію, снаружи часовня Гурь-эмиръ не могла быть вполне реставрирована; время наложило на нее свою разрушительную руку и возобновленіе наружнаго фасада постройки потребовало бы слишкомъ много трудовъ и расходовъ. И теперь уже реставрація часовни стоила болѣе трехъ тысячъ рублей.

По приказанію г. генераль-губернатора, приняты были также мѣры къ сохраненію знаменитаго *кокь-таша* *), служившаго подножіемъ трона Тамерлана. Кокь-ташъ обнесенъ нынѣ изящной, желѣзною рѣшеткою, работы баталіонныхъ мастеровъ.

Въ ногахъ у повелителя востока покоится прахъ его учителя Миръ-Сеида-Берке, а кругомъ—могилы женъ и дѣтей Тимура. У стѣны часовни какимъ-то случаемъ пріютилась чужая могила богатаго, бухарскаго купца. Склепъ, гдѣ собственно и находится могила Тамерлана, душень и мраченъ; здѣсь нѣтъ ни украшеній, ни лѣпной работы, ни арабесковъ. Мраморныя плиты прикрываютъ могилы эмира и его близкихъ. Въ склепѣ спускаются по весьма узкой, витой лѣстницѣ, ведущей изъ самой часовни.

Кромѣ дворца Тимура и его могилы, въ Самаркандѣ много и другихъ, старинныхъ памятниковъ минувшей эпохи блеска, роскоши и славы средне-азіятской столицы. Такъ, напр., останавливаетъ вниманіе всѣхъ любознательныхъ путешественниковъ и археологовъ мечеть Тимура въ южной части города, лѣтній дворецъ Тимура, въ окрестностяхъ Самарканда, близъ могилы чтимаго мусульманскаго святаго Хазрети-Шахъ-Зинде, остатки медресе Ганимъ, построенной женою Тимура, китайской принцессою и многія другія. Но.... это все болѣею частью мѣста, воскрешающія въ памяти времена, весьма отдаленныя, тѣ времена, когда молодая Русь едва успѣвала отбиваться отъ татарскихъ нападений. Занятіемъ Самарканда русскіе расплатились за Москву, Кіевъ, Черниговъ, за всѣ города, разграбленные, выжженные и разоренные азіятскими ордами.

Н. Маевъ.

*) *Кокь-ташъ* значитъ *синій камень*; но слово *кокь* имѣетъ также и другое значеніе: *сѣрый*; напр. извѣстная игра туземцевъ *кукъ-бары* значитъ въ переводѣ; *сѣрый волкъ*. Почему не предположить, что и *кокь-ташъ* значитъ *сѣрый*, а вовсе не *синій* камень?

Отъ Ташкента до Кульджи.

Путевыя замѣтки.

Событія, такъ неожиданно разыгравшіяся на нашей восточной границѣ весною нынѣшняго года, вызвали посѣщеніе г. генераль-губернаторомъ Семирѣчья *). При-илійскій край (бывшія Кульджинскія владѣнія) былъ намъ весьма мало знакомъ, хотя и находился въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Семирѣчьемъ. Свѣдѣнія о таранчинскихъ владѣніяхъ получались только путемъ распросовъ. Путешественники, какъ напр. г. Радловъ, и лица, командированныя въ Кульджу для переговоровъ, сначала съ илійскимъ дзянь-дзюнемъ (подполковникъ Рейнталь), а потомъ съ кульджинскимъ султаномъ (г. Бородинъ и капитанъ баронъ Каульбарсъ), могли лично видѣть и наблюдать только весьма немного, вслѣдствіе крайней подозрительности азіятцевъ; къ тому же большая часть доставленныхъ имъ свѣдѣній была все таки почерпнута изъ того же, крайне сомнительнаго источника—изъ распросовъ. Только теперь, съ занятіемъ (хотя бы и временнымъ) русскими войсками таранчинскихъ владѣній, является возможность имѣть самыя разнообразныя свѣдѣнія объ этой, богатой естественными дарами природы, странѣ. Занятіе русскими Кульджи положитъ основаніе равноправности всѣхъ народностей, населяющихъ при-илійскій край (таранчи, китайцы, калмыки, сибо, солонь и дунгане), что конечно, отзовется благотворно на благосостояніи всей страны.

Своеобразный составъ населенія временно-занятаго нами края, множество типическихъ особенностей, не встрѣчающихся въ другихъ мѣстахъ Средней Азіи, сложныя, весьма запутанныя отношенія однихъ народностей къ другимъ,—все это неотступно требовало личнаго осмотра и изученія бывшихъ кульджинскихъ владѣній г. главнымъ начальникомъ края, для того, чтобы сознательно утвердить тѣ или другія распоряженія мѣстной администраціи.

*) Генераль-губернаторъ уже посѣтилъ Семирѣченскую область въ маѣ и іюнь мѣсяцахъ 1870 года.

Г. генераль-губернаторъ выѣхалъ изъ Ташкента утромъ 28-го іюля; при поѣздкѣ этой не имѣлось въ виду осмотра тѣхъ городовъ и уѣздовъ, чрезъ которыя начальнику края приходилось проѣзжать на пути изъ Ташкента въ Вѣрный. Но и при бѣглому, быстрому осмотру многое не ускользнуло отъ его вниманія. Такъ г. генераль-губернаторъ подробно спрашивалъ Чемкентскаго уѣзднаго начальника объ ирригаціонныхъ работахъ въ этомъ, густо населенномъ уѣздѣ, и въ особенности—о новомъ арыкѣ, который проводятъ киргизы-дулаты изъ озера Манатъ, для того, чтобы заняться обработкой земли въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ то было прежде. Суровая зима 1870—71 года тяжело отозвалась на скотоводствѣ киргизъ, и многихъ изъ нихъ заставила обратиться къ земледѣлю, какъ къ промыслу, болѣе обезпеченному отъ разныхъ случайностей и неблагопріятныхъ климатическихъ условій.

Вліяніе русской власти, умиротворяющей край, сильно отразилось также и на благосостояніи Аулие-ата, значительнаго азіятскаго города, лежащаго у сѣверной отлогости Александровскаго хребта. Аулие-ата растетъ съ каждымъ годомъ, и при нынѣшнемъ исчисленіи въ немъ оказалось уже 639 дворовъ туземцевъ; весьма много переселяется въ Аулие-ата сартовъ изъ Кокана; ихъ привлекаютъ сюда выгоды торговли съ киргизами, такъ какъ г. Аулие-ата имѣетъ значеніе обширнаго киргизскаго базара. Усиленіе же торговли, въ свою очередь, служитъ хорошимъ признакомъ благосостоянія окрестныхъ кочевниковъ.

Аулие-атинскій уѣздъ имѣетъ хорошую будущность еще и въ другомъ отношеніи: здѣсь много мѣстъ для двигающихся русскихъ поселенцевъ. Покуда русскія поселенія подвинулись только вдоль по подошвѣ Александровскаго хребта до р. Акъ-су, гдѣ основался Вѣловодскій поселокъ. Но уже недалеко то время, когда поселенія займутъ въ разныхъ мѣстахъ также и Аулие-атинскій уѣздъ. Когда-то здѣсь уже кипѣла жизнь, находилось дѣятельное, осѣдлое населеніе, не мусульманское, а буддійское. На это указываютъ развалины старинныхъ, монументальныхъ зданій, въ родѣ Акыръ-ташъ, недостроеннаго, огромнаго буддійскаго монастыря. Въ замѣткѣ нашей: «отъ Ташкента до Вѣрнаго» мы сообщимъ легенду о происхожденіи развалинъ Акыръ-ташъ (каменная ясли); по словамъ легенды, князь духовъ или дивовъ (*деу*) строилъ здѣсь дворецъ для своей возлюбленной. Другое преданіе говоритъ, что дворецъ строилъ не *деу*, а какой-то могущественный земной владыка: султанъ, ханъ или бекъ, для любимой дѣвушки, которую онъ хотѣлъ избрать своей женою. Но однажды, находясь при работѣ, онъ увидѣлъ перекочевывающій киргизскій аулъ. На спинѣ одного изъ верблюдовъ ѣхала киргизка, необыкновенной красоты. При видѣ ея, строитель забылъ свою невѣсту и ушелъ кочевать

вмѣстѣ съ ауломъ, къ которому принадлежала красавица. Съ тѣхъ поръ постройка его такъ и осталась неоконченною. Люди, которые провели половину жизни въ степи, утверждаютъ, что дѣйствительно нельзя не увлечься красивой киргизкой, когда она медленно покачивается на спинѣ верблюда.

Замѣтимъ еще, что киргизы называютъ эти недостроенныя зданія *Тасъ-кутанъ*. *Тасъ* или *ташъ*—камень, а *кутанъ*, по киргизски называется площадка посреди многолюднаго аула; въ такомъ аулѣ юрты располагаются обыкновенно вокругъ небольшой площадки. Можетъ быть и дѣйствительно въ прежнія времена здѣсь была зимовка большаго и богатаго аула. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ старинныя времена окрестности Аулие-ата и предгорья Александровскаго хребта были населены значительно гуще, чѣмъ нынѣ. На это указываетъ множество большихъ и богатыхъ мусульманскихъ могилъ, видныхъ на всемъ протяженіи дороги, отъ самаго Аулие-ата до Токмака; это—киргизскій некрополь, Юсафатова долина для окрестнаго населенія.

Отъ р. Акъ-су (въ Токмакскомъ уѣздѣ) начинаютъ попадаться уже русскія поселенія: Бѣловодское (140 душъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми), Ала-Медынское, Пишпекъ. Поселенцы—изъ Воронежской и Самарской губерній,—живутъ, какъ говорится: ни шатко, ни валко. Бѣдности нѣтъ, да и большаго достатка не видно. Проѣздъ г. генераль-губернатора имѣлъ для поселенцевъ то благодѣтельное послѣдствіе, что по убѣжденію г. начальника края, бѣловодскіе поселенцы постановили приговоръ о закрытіи кабака въ своемъ поселкѣ. Такимъ образомъ теперь однимъ тормазомъ къ народному благосостоянію будетъ менѣе. Одновременно съ тѣмъ, крестьяне просили дозволенія построить въ поселкѣ церковь, а пока разрѣшить имѣть въ выселкѣ особаго священника, для исполненія духовныхъ требъ.

Въ нынѣшній проѣздъ свой, г. генераль-губернаторъ осмотрѣлъ новый участокъ почтоваго тракта, проложенный въ обходъ затруднительнаго Кастекскаго перевала. Теперь дорога идетъ черезъ Курдай, по весьма отлогому перевалу. Спуски и подъемы весьма удобны, и вообще проложеніе новаго почтоваго участка есть сущее благодѣяніе для проѣзжающихъ, которымъ обыкновенно весьма не легко доставался прежній кастекскій путь. Съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ также г. генераль-губернаторъ выстроенный въ прошломъ году мостъ черезъ р. Чу, близъ Пишпека. Мостъ этотъ, длиною до 56 сажень, замѣчательнъ тѣмъ, что былъ задуманъ и выполненъ весьма быстро. Въ время проѣзда г. генераль-губернатора въ 1870 году въ Семирѣчье, рѣшено было проложить курдайскій участокъ почтоваго тракта; тотчасъ же команда саперъ,

слѣдовавшая въ Буамское ущелье, была направлена къ р. Чу, работа закончилась, а къ осени 1870 года мостъ уже былъ готовъ и участокъ дороги открытъ для проѣзжающихъ.

Вогородскій выселокъ (при пикетѣ Узунъ-агачъ), основанный только въ прошломъ году, также обратилъ вниманіе г. генераль-губернатора. Въ выселкѣ поселено 16 семействъ. Водой для нашихъ пользуются они изъ киргизскаго арыка, заплативъ рублей 40 за расчистку этого арыка. Но конечно, при такомъ совмѣстномъ пользованіи арычной водою, споры и недоразумѣнія неизбежны. Поселенцы, какъ кажется, не находятъ ничего особеннаго въ томъ, что имъ дозволено четыре дня въ недѣлю пользоваться водою изъ арыка, проведеннаго киргизскими руками, и все жалуются, что киргизы «отымаютъ у нихъ воду!» Поселенцамъ необходимо провести свой собственный арыкъ. Генераль-губернаторъ спрашивалъ поселенцевъ о ихъ бытѣ на новомъ мѣстѣ жительства, указывалъ на выгоду занятія ичеловодствомъ и принималъ, какъ хлѣбъ-соль, поднесенный ему однимъ поселенцемъ медъ.

Г. генераль-губернаторъ прибылъ въ Вѣрный 3-го августа, и былъ, какъ и въ прошломъ году, весьма радушно встрѣченъ въ трехъ верстахъ отъ города городскимъ населеніемъ, какъ русскими, такъ и туземцами, войсками и служащими лицами. Въ бесѣдкѣ, при вѣздѣ въ городъ, священникъ вѣрненской церкви встрѣтилъ начальника края краткой, приѣтственной рѣчью и затѣмъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Г. генераль-губернаторъ остановился въ одномъ изъ домовъ «новаго города», который еще въ прошломъ году представлялъ пустырь, разбитый на кварталы, а теперь быстро застраивается каменными, двухъ-этажными домами частными и казенными. Этотъ новый городъ уже и теперь представляетъ хорошіе задатки для своего будущаго развитія; онъ растетъ по часамъ, обѣщая сдѣлаться дѣйствительно городомъ, а не большою станицею, какою былъ до сихъ поръ г. Вѣрный, съ его деревянными домишками, патриархальною обстановкою, и т. п.

Въ первые же дни своего недолговременнаго пребыванія въ Вѣрномъ, г. генераль-губернаторъ осмотрѣлъ здѣшній госпиталь, гдѣ лежали пять солдатъ, изъ числа раненыхъ въ кульджинскую экспедицію. Г. генераль-губернаторъ поговорилъ съ каждымъ изъ раненыхъ, спрашивалъ о ходѣ ихъ болѣзни и роздалъ раненымъ 40 р., присланные въ распоряженіе г. генераль-губернатора тамбовскимъ отдѣломъ общества попеченія о раненыхъ воинахъ. Наиболѣе тяжело раненый получилъ 10 руб.

Тамъ же, въ крѣпости, гдѣ помѣщается госпиталь, находится также и артиллерійскій складъ, въ которомъ хранятся орудія—трофеи нынѣшняго кульджинскаго похода. Эти орудія весьма разнообразныхъ калибровъ,

начиная отъ фальконета до 6-ти фунтоваго орудія. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма оригинальны, хотя вообще отдѣлка ихъ крайне несовершенна. Всѣ они — китайской отливки. Изъ нихъ одно — красной мѣди, съ какою-то китайскою надписью. Въ числѣ орудій замѣчательны заряжающіяся съ казенной части, но, конечно, съ весьма несовершеннымъ механизмомъ (коробочная система — первообразъ системъ Крика и Баранова); такимъ образомъ, китайцы опередили Европу и въ изобрѣтеніи оружія, заряжающагося съ казенной части. Замѣчательны также мѣдныя орудія съ желѣзными втулками внутри ствола. Нѣкоторыя орудія доставлены въ Вѣрный на лафетахъ, выкрашенныхъ красною краскою, тяжелыхъ и неуклюжихъ съ виду. Три орудія, наиболѣе сохранившіяся и замѣчательныя по своей конструкции, г. генераль-губернаторъ приказалъ приготовить къ отправленію въ С.-Петербургъ, въ случаѣ Высочайшаго на то соизволенія; въ томъ числѣ назначено орудіе изъ красной мѣди и другое — съ желѣзною втулкою.

Знамена и хоругвь — трофеи нынѣшней кампаніи, хранятся во временной церкви г. Вѣрнаго. Знамена, или вѣриѣ — значки, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго; обращаетъ вниманіе одна только большая хоругвь изъ темно-коричневаго атласа, китайской выдѣлки, съ изображеннымъ на ней арабскими буквами, священнымъ изрѣченіемъ: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магомедъ пророкъ Божій».

5-го августа г. генераль-губернаторъ посѣтилъ недавно основанный лѣсопильный заводъ г-жи Колокольцовой и К^о. Заводъ этотъ дѣйствуетъ силою воды: водяное колесо приводитъ въ движеніе отъ 8 до 14 пилъ, смотря по надобности. Нельзя не отнестись съ полною благодарностью къ г-жѣ Колокольцовой за устройство этого, крайне необходимаго для края, завода. Въ быстро растущемъ городѣ и въ окрестныхъ станицахъ спросъ на распиленный лѣсъ бываетъ огромный, а при ручной пилѣ каждый аршинъ распиленной доски обходился въ 7 коп. Теперь же, на заводѣ г. Колокольцовой аршинъ обходится всего только въ 1 или 1½ к., смотря по толщинѣ бревна. Заводъ рассчитанъ такимъ образомъ, чтобы на немъ можно было распиливать въ сутки до 80 бревенъ. Г. генераль-губернаторъ долго осматривалъ заводъ, вникая во всѣ подробности механизма и работы и благодарилъ учредителей за ихъ полезное начинаніе.

Интереснѣйшимъ эпизодомъ во время пребыванія г. генераль-губернатора въ г. Вѣрномъ, былъ пріѣздъ сдавагося въ плѣнъ кульджинскаго султана Абиля-Огя и пріемъ его г. генераль-губернаторомъ, утромъ 6-го августа. Султанъ Абиля-Огя плотный, коренастый человѣкъ, со смуглымъ лицомъ, большими отвислыми губами и небольшою, рѣдкою бородою. Въ чертахъ его лица проглядываетъ что-то калмыцкое, не похожее ни на

сартовскій, ни на киргизскій, чисто тюркскій типъ. Одѣтъ былъ ех-султанъ въ богатый, парчевый халатъ и чалму, съ кинжаломъ за поясомъ и небольшою саблею при бедрѣ.

Г. генераль-губернаторъ принялъ бывшаго султана при общемъ пріемѣ всѣхъ служащихъ и представителей отъ русскихъ и туземныхъ торговцевъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьѣ султана и его семейства, оставшагося въ Кульджѣ, г. генераль-губернаторъ пригласилъ Абиля-Огя къ себѣ въ кабинетъ, чтобы лично, отъ него самаго, услышать разъясненіе причинъ происшедшаго столкновенія. «Я очень сожалѣю, что взаимныя недоразумѣнія привели насъ къ необходимости занять ханство», говорилъ генераль-губернаторъ. «Пусть теперь султанъ внимательно выслушаетъ и откровенно отвѣтитъ на мои слова: зачѣмъ онъ во время не послушался моего совѣта?» Султанъ отвѣчалъ уклончиво, началъ длинный разговоръ объ открытіи военныхъ дѣйствій, но г. генераль-губернаторъ напомнилъ ему, что кампаніи предшествовали переговоры, для которыхъ посылались въ Кульджу наши уполномоченные: г. Бородинъ и бар. Каульбарсъ. Всѣ эти переговоры не привели ни къ какому результату: обнаружилась только вполне двуличность всѣхъ словъ и поступковъ кульджинской администраціи. «Я говорю это теперь не въ укоръ султану, прибавилъ г. генераль-губернаторъ; я хочу только знать: какія причины побудили султана принять такое, явно враждебное положеніе?» Султанъ началъ снова увѣрять, что всѣ требованія генерала Колпаковскаго исполнялись безпрекословно, но г. начальникъ края напомнилъ уклончивый образъ дѣйствій султана при посольствѣ бар. Каульбарса; въ то время султанъ на словахъ обѣщаль исполнить все, что мы требовали, а въ письмѣ, врученномъ барону Каульбарсу уже на дорогѣ, заключался полный отказъ и даже дерзкая угроза. Послѣ нѣсколькихъ, настоятельно повторенныхъ вопросовъ, Абиля-Огя высказалъ, наконецъ, что первоначально онъ имѣлъ намѣреніе исполнить всѣ требованія г. генераль-губернатора; но по отъѣздѣ бар. Каульбарса, собрались къ нему ахуны, казначии и другіе сановники ханства и отклонили его отъ принятаго рѣшенія. Они, противъ воли султана, вынудили его отвѣчать на всѣ требованія письменнымъ отказомъ. «Не я, а эти люди погубили ханство, прибавилъ султанъ. Совѣсть моя чиста и я считаю себя правымъ предъ Богомъ и пророкомъ. Все, что случилось, произошло по волѣ Божіей.» На всѣ вопросы г. генераль-губернатора, Абиля-Огя отвѣчалъ съ жаромъ, жестикулируя, ясно отчеканивая каждое слово и видимо щеголяя своимъ краснорѣчіемъ. Въ Кульджѣ онъ тоже слылъ хорошимъ ораторомъ, и это обстоятельство, между прочимъ, пособило ему достигъ султанства. Абиля-Огя говорилъ совершенно свободно, не стѣсняясь; настоящее положеніе его очевидно не имѣетъ на него по-

давливающего вліянiя и можно даже сказать, что онъ совершенно доволенъ своей участію. Въ Кульджѣ ему не сносятъ бы своей головы. Разсказываютъ, что когда на второй или на третій день послѣ сдачи султана, генер. Колпаковскій по утру спросилъ его: «каково провелъ онъ ночь» — султанъ отвѣчалъ: «первый разъ въ теченіи трехъ лѣтъ султанства я спалъ спокойно.» Султану Абилю-Оглю сохранено все его состояніе, весьма значительное; говорятъ, что однихъ лошадей у него было до 6 тысячъ головъ.

Дальнѣйшіе вопросы г. генераль-губернатора касались положенія дѣлъ въ ханствахъ, на западной нашей границѣ, напр. въ Урумчи, причинъ возстанія дунганей противъ китайцевъ, нѣкоторыхъ распоряженій Якуббека въ занятыхъ имъ дунганскихъ городахъ, и т. п. Генераль-губернаторъ освѣдомился, между прочимъ, удобно ли помѣщеніе, приготовленное для султана въ г. Вѣрномъ (въ одномъ изъ домовъ новаго города) и подарилъ ему, на память, довольно цѣнную, серебряную табакерку. Ласковый и радушный пріемъ г. генераль-губернатора очевидно произвелъ сильное впечатлѣніе на Абилю-Оглю.

Изъ Вѣрнаго генераль-губернаторъ отправился 3-го августа въ Кульджу, предполагая осмотрѣть мимоѣздомъ Борохудзирскій отрядъ, расположенный на бывшей китайской границѣ. Первое русское поселеніе на пути отъ вѣрнаго къ Копалу, есть Илійскій выселокъ, въ 18 дворовъ. Илійскій выселокъ — бывшее укрѣпленіе — построено на берегу быстрой Или, прежняго воднаго торговаго пути въ западный Китай. Или въ этомъ мѣстѣ не широка: отъ 85 до 115 сажень. Чтобы облегчить переправу проезжающихъ по почтовому тракту, содержатель станціи намѣревается устроить въ этомъ мѣстѣ на Или мостъ на плоткахъ или самолетъ. Въ настоящее время переправа производится на баркасѣ.

За Или — мѣстность начинаетъ принимать, на всемъ протяженіи низменной илийской долины, ровный и открытый характеръ, приличный тому названію: *степь*, которое почему-то дается обыкновенно всѣмъ русскимъ владѣніямъ въ Средней Азiи, отъ Алтая до Аму-Дарьи. Но эта джунгарская степь представляетъ и въ ровныхъ своихъ частяхъ отлогости, покрытая сочною травой. Вдали синѣются горы, то рѣзко выдѣляясь своимъ мрачнымъ контуромъ, то сливаясь въ отдаленіи съ общимъ фономъ пейзажа, и какъ бы тонущія въ голубоватомъ туманѣ. Въ одномъ изъ такихъ ровныхъ мѣстъ, въ виду горнаго кряжа Алтынъ-Имель, на земляхъ, занятыхъ кочевьями султана Тезека *) похороненъ султанъ Чоканъ

*) Бывшій старшій султанъ Атбанскаго рода, полковникъ русской службы.

Чингизовичъ Валихановъ, снискавшій почетную извѣстность своими литературными трудами по географіи и исторіи Средней Азiи. Могила Ч. Валиханова, въ видѣ часовни, изъ плохо обожженного кирпича, окруженная невысокою стѣною, слѣпленною изъ глиняныхъ комьевъ, — не общаетъ долгаго существованія; уже и теперь многія части надгробной часовни приходятъ въ ветхость, хотя надгробный памятникъ существуетъ всего только три года. Деревянная рѣшетка, закрывающая боковыя отверстія въ стѣнахъ часовни, мѣстами обвалилась, надпись на деревянныхъ дверяхъ часовни, о имени и годѣ смерти (умеръ въ 1866 году) Валиханова смоеся осенними ливнями, — и погибнетъ въ киргизскомъ народѣ дорогая для русскихъ память о султанѣ Валихановѣ. Чтобы поддержать разрушающійся надгробный памятникъ, и сохранить имя погребеннаго въ ней, генераль-губернаторъ изъявилъ желаніе заказать большую мраморную, могильную плиту. На плитѣ этой будетъ изсѣчена та самая надпись, которая теперь видна на деревянныхъ дверяхъ часовни. Самая часовня, по распоряженію генераль-губернатора, также будетъ постоянно поддерживаться.

Хороши и привольны мѣстности Семирѣчья между Вѣрнымъ и Копаломъ; здѣсь много всего: луговъ съ сочною травой, усѣяною полевой клубникой и цвѣтущими медоносными растеніями, и лѣсу когда-то было достаточно не въ однихъ только ущельяхъ, и воды проточной много, и дожди перепадаютъ частенько, и не диковинка они здѣсь, какъ въ опаленной солнцемъ Средней Азiи. Приволье здѣсь русскому переселенцу, но... опять таки приходится повторить, что приходитъ онъ съ своими дѣдовскими понятіями и обычаями, приноситъ на чужую сторону всю прежнюю обстановку своего быта, — крестьянскаго быта въ какой нибудь лѣсистой тущобѣ матушки Россіи, и, по обычаю, безжалостно рубить и уничтожаетъ вѣковыя деревья. У себя, дома смотрѣлъ онъ на лѣсъ, какъ на врага своего, который отнимаетъ у него землю, пригодную для пашни; такъ продолжаетъ онъ смотрѣть и въ Семирѣчѣ, гдѣ лѣсъ — даръ Божій, наиболѣе цѣнный и полезный. Пріѣхавъ въ край, генераль-губернаторъ не засталъ уже и слѣда бывшихъ густыхъ лѣсовъ. Въ 1867 году, во время проѣзда генераль-губернатора чрезъ Копаль, одинъ изъ стариковъ заявилъ ему между прочимъ просьбу: «всѣмъ мы довольны, батюшка, ваше высокопревосходительство, только вотъ лѣску бы намъ надо маленечко,» и на вопросъ генераль-губернатора: «а былъ лѣсъ, когда вы пришли сюда селиться?» — тотъ же старикъ отвѣчалъ: «какъ же! Тогда у насъ было не то! Лѣсу была чаща непросвѣтмая. Въ лѣсу мы и начали строиться, а вотъ теперь куда какъ плохо намъ безъ лѣсу-то!» Такъ безрасчетливо сдумѣлъ распорядиться съ лѣсомъ русской человѣкъ!....

Удивительно хороши также горныя долины въ Копальскомъ уѣздѣ и невольно манятъ они глазъ свѣжестью и обиліемъ луговыхъ травъ, густо покрывающихъ ихъ тучную, черноземную почву. Въ одной изъ такихъ благодатныхъ долинъ, близъ ущелья, изъ котораго съ шумомъ и пѣною вырывается р. Кокъ-су (синяя вода), пріютился Коксуйскій выселокъ. Еще издали, спускаясь съ пологого ската горъ, замѣчается крестьянская, небогатая церковь Коксуйскаго выселка, и это уже производитъ на душу какое-то радостное, освѣжающее впечатлѣніе. Путешествующіе по азіатскимъ пустынямъ не избалованы видомъ сельскихъ храмовъ, привѣтливо манящихъ къ себѣ на Руси глазъ путешественника.

Коксуйскій выселокъ не великъ; въ немъ считается всего только 43 двора (150 человѣкъ мужскаго п. и 118 чел. женскаго пола); цифра народонаселенія выселка увеличилась въ весьма короткое время. Коксуйскій выселокъ основанъ въ 1855 году, и тогда въ немъ было только три двора. На Кокъ-су переселились крестьяне-переселенцы изъ Тамбовской губерніи и казаки изъ Копала, а въ настоящее время начинаютъ прибывать поемногу и селиться также калмыки, эмигранты изъ Китая, которые, впрочемъ, не живутъ здѣсь постоянно, а уходятъ на заработки. Изъ нихъ 10 человѣкъ уже окрещены въ христіанскую вѣру.

Въ Коксуйскомъ выселкѣ отлично развилось пчеловодство, для чего роскошныя луга, усѣяныя цвѣтущими, медоносными растеніями, представляютъ полную возможность. Много у крестьянъ хлѣба, дающаго изъ года въ годъ отличный урожай, много скота, которому здѣсь также полное приволье. Во время проѣзда генераль-губернатора въ 1870 году жители Коксуйскаго выселка выставили на станціяхъ, по найму отъ почтъ-содержателя Кузнецова, — до 130 лошадей. Это одно уже доказываетъ, что здѣшніе поселяне народъ, далеко не бѣдный. Но, чему особенно можно радоваться въ Коксуйскомъ выселкѣ, — это совершенному отсутствію кабаковъ. Трезвые и честные поселяне и казаки, жители Коксуйскаго выселка, на вопросъ генераль-губернатора: «не нуждаются ли они въ чемънибудь?» — прямо и откровенно отвѣчали, что «слава Богу, не нуждаются ни въ чемъ!» Жители Коксуйскаго выселка перевезли на свой счетъ, упраздненную въ Копалѣ церковь, пристроили къ ней колокольню, а генераль-губернаторъ пожертвовалъ въ ихъ церковь новый иконостасъ. Въ 1870 году коксуйскіе жители построили, также на свой счетъ, мостъ черезъ Кокъ-су. Мостъ этотъ, въ одинъ пролетъ, длиною около 10-ти сажень.

Отрадное впечатлѣніе производитъ и другой выселокъ, Карабулакскій; и здѣсь пчва превосходная, дожди выпадаютъ обильно, о падежахъ

скота, саранчѣ, и другихъ бичахъ нашего сельскаго хозяйства не слышно вовсе. Здѣсь лѣсу уже гораздо менѣе, чѣмъ на Кокъ-су, и жители, исполняя приказаніе генераль-губернатора, берегутъ таловыя рощицы, еще мѣстами сохранившіяся по рѣкѣ Караталу, близъ котораго расположенъ Карабулакскій выселокъ. Домики здѣсь выстроены изъ сырцеваго кирпича, съ глиняными кровлями; послѣднія нельзя назвать удобными для здѣшней мѣстности, при частыхъ дождяхъ осенью и весною, и при обиліи выпадающаго зимою снѣга. Въ Карабулакскомъ выселкѣ считается въ настоящее время 48 дворовъ; жители поселенцы, казаки и калмыки въ большомъ числѣ.

Наибольшее поселеніе калмыковъ въ Копальскомъ уѣздѣ находится въ выселкѣ Сарканскомъ, (около 80-ти верстъ отъ Копала); здѣсь, верстахъ въ 4 отъ выселка, поселились чакырѣ-калмыки, кара-калмыки и даурь-солонны. Всѣхъ поселенцевъ, выходцевъ изъ западнаго Китая, до 390 человѣкъ, а казачьяго населенія въ Сарканскомъ выселкѣ 88 дворовъ. Въ настоящее время всѣ калмыки, поселившіеся около Сарканскаго выселка, приняли христіанство и для назиданія ихъ въ истинахъ вѣры, находится въ Сарканскомъ выселкѣ почтенный и уважаемый всѣми труженикъ, священникъ-миссіонеръ о. Василій Покровскій. Дѣятельность его весьма замѣчательна и чрезвычайно плодотворна; онъ умѣлъ снискать довѣріе и любовь своей новообращенной паствы, и дѣйствуетъ на новокрещенныхъ не только словами назиданія, но и собственнымъ примѣромъ. Школа для калмыцкихъ дѣтей устроена была въ Сарканскомъ выселкѣ еще почтеннымъ предмѣстникомъ его, оставившемъ это мѣсто не очень давно, вслѣдствіе тяжелой болѣзни. Успѣхи мальчиковъ-калмыковъ весьма замѣчательны; такой охоты къ ученію, любознательности и быстрого пониманія преподаваемаго рѣдко можно встрѣтить въ другихъ народныхъ школахъ. Дѣти ходятъ въ школу, въ самый выселокъ, во всякую погоду, даже и зимою, при сильныхъ холодахъ и мятеляхъ, не смущаясь тѣмъ, что до школы и обратно, отъ выселка до дому — имъ должно пройти болѣе 8 верстъ. Въ настоящее время, какъ для того, чтобы приблизить выселокъ къ школѣ, такъ и съ цѣлью большаго сближенія новокрещенныхъ калмыковъ съ русскимъ населеніемъ выселка, предполагается перевести калмыцкое поселеніе въ самый Сарканскій выселокъ, и уже разбиты участки для этого новаго поселенія. Крещенные калмыки сами пожелали зачислиться въ казачье сословіе, но еще сохранили частію свой прежній костюмъ, и даже — свои черныя, спускающіяся до пояса, косы. Только дѣти калмыковъ ходятъ уже обстриженные по русски.

Пользуясь данною имъ при переселеніи льготою и денежнымъ пособіемъ, калмыки по немногу устраиваютъ свое хозяйство. Генераль-губер-

наторъ посѣтилъ еще въ 1870 году поселеніе калмыковъ; онъ внимательно осмотрѣлъ ихъ огороды, разбитые небольшими, правильными квадратами, чисто и искусно обработанные, зашелъ въ домъ одного изъ эмигрантовъ, расширявалъ его о хозяйствѣ, совѣтовалъ не сѣять макъ, для выдѣлки изъ него опиума (до котораго калмыки, какъ бывшіе подданные небесной имперіи, имѣютъ отчасти склонность) и на память своего посѣщенія, подарилъ старухѣ-калмычкѣ, хозяйкѣ дома, — серебряный, вызолоченный стаканчикъ.

Начальникъ края, при нынѣшнемъ своемъ объѣздѣ, предположилъ ѣхать не далѣе пикета Алтынъ-Имель. Дорога поворачиваетъ отсюда къ востоку, на ущелье Якши-Алтынъ-Имель. Ущелье здѣсь вполне доступно для ѣзды въ экипажахъ, да и самая горная гряда Чулакъ-тау, которая прорѣзывается многими ущельями, невысока. Красиво рисуется еще издали этотъ хребетъ своею фантастически изломанною линіею вершинъ, утесовъ и отдѣльных пиковъ. Вершины его не бѣлѣютъ вѣчными снѣгами, горные ручьи, вырывающіеся изъ его ущелій, шумливы, какъ и всѣ горные ручьи, но не многоводны, не катятъ по руслу своему огромные валуны. Рядомъ съ ущельемъ, по которому идетъ дорога, виднѣется другое, сильное пониженіе или сѣдловина: это ущелье Яманъ-Алтынъ-Имель, слышущее у окрестныхъ киргизъ за трудно доступное. Почему названы эти ущелья Алтынъ-Имель, (золотое сѣдло)—Богъ вѣсть! Легенда говоритъ, что въ одномъ изъ этихъ ущелій, только неизвѣстно въ которомъ, какой-то калмыцкій ханъ, спасаясь отъ непріятеля, зарылъ въ землю свое золотое сѣдло; но этотъ рассказъ, очевидно, позднѣйшая киргизская фантазія, такъ что тутъ не ущелье получило свое названіе вслѣдствіе легенды, а на оборотъ: легенда возникла уже вслѣдствіе существовавшего издавна названія ущелья.

Въ ущельѣ Яманъ-Алтынъ-Имель находятся богатые мраморныя ломки и ущелье вовсе не такъ трудно доступно, какъ о немъ гласитъ молва.

За ущельемъ, или вѣрнѣе, за хребтомъ Чулакъ, простирается возвышенная, каменистая степь, не имѣющая одного общаго названія, а называемая въ разныхъ мѣстахъ по урочищамъ и хребтамъ горъ: Тугурекъ, Конуръ-улень (сѣрныя дрова), и т. п. Этой степью начинается уже долина средняго теченія Или. Еще при выѣздѣ изъ Алтынъ-Имельскаго ущелья виднѣется вдали серебристой полоской эта многоводная рѣка, которой можетъ быть суждено играть важную роль въ нашихъ будущихъ сношеніяхъ съ западнымъ и внутреннимъ Китаемъ. Хрящеватая, сухая почва степи, или вѣрнѣе—долины, покрыта рѣдкою, невысокою травой; только мѣстами, въ логахъ виднѣются пятна болѣе сочной, свѣжей зелени; ка-

кія-то бобовыя растенія высоко поднимаютъ свои прямыя вѣтви, усѣянныя желтыми, небольшими цвѣтами; кругомъ ихъ лѣнятся сѣровато-синія, снабженныя колючками кустики, порожденные природой этой «жаждущей стени». Только въ одномъ мѣстѣ, уже неподалеку отъ станціи Тугурекъ, виднѣется еще издали широкая зеленая полоса; обманутому глазу представляется она какой-то рощей, густой, тѣнистой и — ждешь, не дождешься, скоро ли доберешься до этой рощицы. Но тутъ проѣзжаго постигаетъ полное разочарованіе: рощица обращается въ неширокую полосу свѣжей травы и какихъ-то молочайныхъ растеній, съ мелкими листьями, похожими на ивовые. Здѣсь почва влажна отъ обилія подземныхъ ключей, которые въ нѣкоторыхъ логахъ и пробиваются наружу. Эта полоса зелени есть зимовка султана Тезека, сильнаго и вліятельнаго киргизскаго султана, внука Аблай-хана. На лѣто онъ переходитъ черезъ хребетъ Чулакъ и кочуетъ на его западныхъ отклинахъ.

Степь Тугурекъ ограничивается съ юга широкою полосой илийскихъ песковъ; съ сѣвера виднѣются вдали горы: Аламанъ-тау и Крункеу-тау. Къ юго-востоку видны другіе сѣверные отроги горнаго нагроможденія Катутау. Прямо на востокъ и западъ долина совершенно открыта. На западъ она идетъ до Илийскаго укрѣпленія, а на востокъ—сливается съ равнинами Суйдуна, Кульджи и проч.

Дорога въ Борохузиръ идетъ ущельемъ, перерѣзывая горное нагроможденіе Катутау, о которомъ мы уже упомянули выше. Ущелье это, Богъ вѣсть почему, носитъ зловѣщее названіе *Койбынъ* (саванъ); это не горный переваль, а просто—долина между двумя, сблизившимися горными массами: Койбынъ—слѣва, и Алкалы и Алкалы-джаръ — справа, въ южной части ущелья. Ущелье Койбынъ принадлежитъ къ числу самыхъ живописныхъ; составляющія его скалы и отклены горной массы то поражаютъ своимъ дикимъ величьемъ, то, отходя вдаль и расширяя долину, являются длиннымъ рядомъ какихъ-то фантастическихъ зданій, руинъ. Кое гдѣ, на отклинахъ, поросшихъ хорошою травой, замѣтите вы стадо кулановъ, или киргиза, который бодро пробирается по тропинкѣ, надъ обрывомъ. Въ разныхъ мѣстахъ красныя, желтыя и фіолетовыя пятна укажутъ вамъ на присутствіе огромныхъ массъ охры... Да и все ущелье не имѣетъ того ровнаго сѣровато-желтаго, однообразнаго колорита, который такъ утомляетъ глазъ въ другихъ ущельяхъ, хотя бы напрямѣръ въ Алтынъ-Имельскомъ. Здѣсь картины мѣняются безирерывно, точно въ калейдоскопѣ.

Поднялись на крутую гору, миновали волнистую, пересѣченную мѣстность—и опять потянулась та же знакомая, хрящеватая, тощая степь.

Только у самага Борохудзира измѣняется этотъ однообразный характеръ степи. Появляется древесная растительность, указывающая на близость осѣдло живущаго человѣка; виднѣются землянки и домики калмыковъ и эмигрантовъ сибиряковъ. Борохудзиръ привѣтливо манитъ къ себѣ, сравнительно густою зеленью своего сада и тополевою рощицы, насажденной руками солдатъ, своими бѣлыми, сырцевыми домиками, которые кажутся издали такими привѣтливими, уютными.

Борохудзиръ долгое время имѣлъ только значеніе передоваго, военнаго пункта; за нимъ, за рѣчкою Борохудзиръ, начиналась уже и китайская территорія и въ нѣсколькихъ верстахъ находились, теперь разрушенные, китайскіе города: Тургенъ, Джаръ-кентъ, Акъ-кентъ, Кургаши и другіе. Когда рѣшено было, что Борохудзиръ останется постояннымъ мѣстомъ пребыванія нашего пограничнаго отряда, тотчасъ же приступлено было къ постройкѣ казармъ, госпиталя, разныхъ складовъ и помѣщеній для офицеровъ отряда. Все это быстро возникло въ теченіе 1868 и 1869 года. Подъ защитою штыковъ отряда поселились эмигранты, разграбленные и разоренные до нитки; ихъ поселеніе почти примыкаетъ къ зданіемъ отряда, въ видѣ небольшой слободки. Многое, какъ въ Борохудзирѣ, такъ и въ слободкѣ, построено изъ превосходнаго, жженого кирпича, взятаго изъ сосѣднихъ разрушенныхъ городовъ. Вѣроятно этимъ кирпичемъ будутъ пользоваться также и русскіе переселенцы, которые не замедлятъ воспользоваться новымъ, предоставленнымъ имъ мѣстомъ для поселенія: на р. Борохудзирѣ предположено основать выселокъ.

Въ Борохудзирѣ начальника края встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Колпаковскій, прибывшій для того изъ Кульджи. Во время непродолжительной остановки своей въ Борохудзирѣ, начальникъ края посѣтилъ госпиталь, гдѣ еще находился на излеченіи одинъ раненый, и артиллерійскій складъ, въ которомъ хранятся луки, стрѣлы, ружья—все оружіе, сданное таранчами въ Чинча-го-дзи, Суйдунѣ и Кульджѣ. Въ этомъ старомъ, ржавомъ хламѣ, который развѣ только у таранчей могъ считаться оружіемъ, останавливали вниманіе одни только шлемы—жестяные колпаки, съ наматыльниками и наушниками изъ старой, затасканой бумажной матеріи, съ вышитыми на ней драконами. Впрочемъ, эти шлемы и не употреблялись китайцами и таранчами, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнюю войну. Китайцы и дунгане дрались не только плохо вооруженные, но иногда даже полунагіе, такъ что надо удивляться тому энергическому сопротивленію, которое они выказывали при многихъ случаяхъ. Изъ всего оружія, сданнаго таранчами, наиболѣе дѣйствительны были луки и стрѣлы, которыми калмыки владѣютъ весьма искусно. Стрѣла, пущенная сильною рукою, можетъ пробить человѣка насквозь. Впрочемъ, въ числѣ сружія, сданнаго

таранчами, были также ружья, заряжающіяся съ казенной части, конечно самой грубой, первобытной отдѣлки. По отзывамъ многихъ лицъ, выстрѣлы неприятеля изъ этихъ ружей бывали иногда весьма мѣткі.

Въ Борохудзирѣ начальникъ края роздалъ первые георгіевскіе кресты, назначенные въ награду отличившимся въ дѣлахъ съ таранчами. Между прочимъ получилъ здѣсь награду, также и казакъ Дмитріевъ, постоянно, во всѣхъ дѣлахъ находившійся впереди и получившій 30 ранъ, а также г. Трусовъ, довѣренный В. П. Кузнецова. Въ то время, когда начинались военныя дѣйствія, г. Трусовъ находился въ горахъ, съ партіею, для отысканія золотыхъ приисковъ; отпустивъ рабочихъ, г. Трусовъ присоединился къ отряду полковника Михаловскаго, какъ волонтеръ, и вскорѣ сдѣлался извѣстенъ всему отряду своей храбростью и хладнокровіемъ. Вездѣ, гдѣ была опасность, г. Трусовъ являлся изъ первыхъ; по представленію генералъ-лейтенанта Колпаковскаго, г. Трусовъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

За Борохудзиромъ характеръ степи рѣзко измѣняется; такъ и видно по всему, что тутъ еще недавно жило трудолюбивое, осѣдлое населеніе, которое въ два—три года все полегло костями тутъ же, на землѣ, имъ воздѣланной. Тяжелое, давящее чувство охватываетъ человѣка, не привыкшаго къ сценамъ рѣзни, когда онъ проѣзжаетъ отъ Борохудзира по большой, кульджинской дорогѣ. Ряды полуразвалившихся домовъ, изъ которыхъ выбрано уже все, что было хотя сколько нибудь цѣнно, слѣды огня, безжалостнаго, беспощаднаго разрушенія, кости, черепа.... Вы ѣдете улицей города, но чувствуется, видится во всемъ, что это уже не городъ, а обширная могила. Бѣдная Средняя Азія! Ей столько разъ приходилось обгагряться кровью, именно потому, что въ нее постоянно ввергались волны народовъ, разрушая и умерщвляя все, но не останавливаясь на туранскихъ равнинахъ и стремясь постоянно на западъ или на заманчивый югъ. Здѣсь разыгрывались кровавыя сцены борьбы за существованіе не только народовъ, но и религій. Дай Богъ, чтобы явившееся сюда христіанство не внесло свой мечъ, хотя бы изъ необходимости, въ защиту своихъ собственныхъ интересовъ.

Отъ разрушеннаго Тургеня до р. Хоргоса, на протяженіи почти 60 верстъ, тянется роща, изрѣзанная арыками. Растительность здѣсь когда-то была весьма роскошная, но теперь и эта роща сохнетъ годъ отъ году, не поддерживаемая заботами трудолюбиваго китайскаго населенія. Еще нѣсколько лѣтъ — и мѣстность снова превратится въ такую же степь, пріютъ и раздолье кочевниковъ, какою была она до водворенія здѣсь китайцевъ. Говорятъ, что и до сихъ поръ сохраняется на дорогѣ, между Баяндаемъ и Кульджею, дерево—прародитель всѣхъ здѣшнихъ деревьевъ.

Отъ единственнаго, найденнаго деревца, китайцы съумѣли развести цѣлую, огромнѣйшую рощу. Все, что не было занято полями, покосами, они заняли лѣснымъ насажденіемъ, преимущественно карагача и тала. Урокъ нашимъ поселенцамъ, которые прежде всего стараются вырубить всѣ рощи, а потомъ, почесывая затылокъ, жалуются, что «Господь ихъ обездолил лѣскомъ!»

Открытая, слегка волнистая мѣстность, начинающаяся у р. Борохузира, переходитъ, наконецъ, версть 25 далѣе, въ совершенное болото, наполненное мириадами комаровъ; виною тому частые разливы р. Усека, который течетъ здѣсь въ низменныхъ, плоскихъ берегахъ. Болотистая низина тянется вплоть до развалинъ Джаръ-кента. Это — дѣйствительно *джаръ-кентъ* (яръ-городъ); онъ стоитъ на довольно высокомъ ярѣ, ограничивающемъ съ востока Усекскую равнину.

Во время проѣзда г. генераль-губернатора, вода въ р. Усекѣ была не высока, а потому и переѣздъ черезъ эту шумливую, быструю горную рѣчку обошелся безъ большихъ затрудненій. Но въ июнѣ и въ июлѣ, когда усиливается таяніе снѣговъ въ горахъ, переѣздъ черезъ Усекъ въ бродъ далеко не безопасенъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ нѣкоторые изъ проѣзжавшихъ въ Кульджу заплатились своими пожитками, унесенными расшалившейся горной рѣчкой.

Горная цѣпь, которая питаетъ своими снѣгами эти рѣчки, видѣется въ полномъ величій къ сѣверу отъ дороги. Этотъ рядъ высокихъ пиковъ, раздѣленныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубокими ущельями, носитъ разные названія: Чель-адыръ, Дуванъ-кара и проч. Болѣе общее названіе хребта: Боро-хоро. Въ ущельяхъ, сѣдловинахъ и значительныхъ пониженіяхъ хребта видѣются пики и вершины другаго хребта, бѣлѣются массы вѣчнаго снѣга. Еще далѣе, къ востоку, въ ровной и сравнительно, не очень высокой грядѣ горъ, явственно видѣется ущелье Талки, по которому проходитъ превосходно разработанная китайская «императорская дорога» отъ Кульджи на озеро Сайрамъ-норъ, Манась, Урумчи и далѣе, въ глубь Китая. Объ этомъ ущельѣ мы еще будемъ говорить далѣе.

Въ Мазарѣ, небольшомъ таранчинскомъ кентѣ или городкѣ, таранчинское населеніе въ первый разъ встрѣтило г. генераль-губернатора. У Мазара же, мѣсяць тому назадъ, происходило первое столкновеніе нашихъ войскъ съ войсками кульджинскаго султана. Мазарцы встрѣтили начальника края хлѣбомъ-солью: они вынесли на небольшихъ подносахъ лепешки, урюкъ, дыни, яблоки и груши. Ни малѣйшаго слѣда враждебнаго чувства нельзя было прочесть на ихъ лицахъ, и это вовсе не было маскою: низшій классъ таранчинскаго населенія, земледѣльцы и мелкіе торговцы вовсе не чувствовали фанатической вражды къ русскимъ. Вражда

эта не могла зародиться въ нихъ и въ короткій промежутокъ военныхъ дѣйствій, а выгоды отъ торговыхъ сношеній съ богатымъ и сильнымъ сосѣдомъ слишкомъ очевидны для практическаго азіятца.

Крѣпостца Мазаръ получила свое названіе отъ могилы (мазаръ) схироненнаго здѣсь святаго Турлукъ-Темиръ-хана. Куполь его гробницы видѣется изъ за стѣнъ крѣпостцы. По рассказамъ туземцевъ, Турлукъ-Темиръ былъ ханъ калмыцкій и обратился въ мусульманство вслѣдствіе совѣтовъ и внушеній шейха Магометъ-Садыка, котораго могила находится тутъ же, около Мазара. Жители приписываютъ значительную древность своей святыни; по ихъ рассказамъ, смерть Темиръ-хана относится за 746 лѣтъ до нашего времени, что, конечно, вздоръ. Могила шейха Магометъ-Садыка вовсе не поддерживается его неблагочестивыми единовѣрцами. Это—полуобвалившаяся постройка изъ жженого, хорошаго кирпича, окруженная дворикомъ, тѣснымъ и грязнымъ. Кое гдѣ сохранились еще слѣды украшеній и арабесковъ, нарисованныхъ на гладко выбѣленныхъ алебастромъ внутреннихъ стѣнахъ. Надмогильная постройка была покрыта когда-то куполомъ, отъ котораго теперь не осталось и слѣдовъ. Самый мавзолей святаго шейха слѣпленъ изъ глины и представляетъ форму обыкновенныхъ мусульманскихъ саркофаговъ. Все это бѣдно, грязно и неважно!...

На р. Хоргосѣ или Курганъ, какъ ее иногда называютъ, встрѣтили г. начальника края огромныя толпы киргизъ: кызаевъ и сувановъ, еще недавно только признавшихъ надъ собою русскую власть. Чрезвычайно эффектно была толпа этихъ кочевниковъ, освѣщенная огнемъ огромныхъ костровъ, запылавшихъ повсюду при наступленіи темноты. На Хоргосѣ, гдѣ было приготовлено нѣсколько юламеекъ, г. генераль-губернаторъ остановился переночевать. Пользуясь случаемъ, что киргизы собрались сюда изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, г. начальникъ края въ нѣсколькихъ словахъ разъяснилъ имъ, чего требуетъ отъ нихъ русскій законъ, которому они теперь должны подчиниться, требовалъ прекращенія разбойничьихъ набѣговъ, баранты, насилія всякаго рода, къ которымъ привыкли они въ продолженіе владычества таранчей въ за-илійскомъ краѣ. Надо замѣтить, что до настоящаго времени кызан и суваны были самыми опасными барантчами, нерѣдко тревожившими и нашу границу. Ихъ нападенія вызвали даже однажды вооруженное преслѣдованіе съ нашей стороны. Г. генераль-губернаторъ въ особенности обращался къ волостнымъ управителямъ и старшинамъ, назначеннымъ уже нынѣ, русскою властію, и указывалъ имъ на необходимость довести весь подвластный имъ народъ до сознанія пользы тѣхъ порядковъ, которые устанавливаются у нихъ волею и именемъ Государа Императора. «Было время смуть и грабежей, а теперь настало другое время, когда должна водвориться тишина и порядокъ и

въ этой странѣ. Теперь слабый и бѣдный найдутъ себѣ защиту. Такова воля Государя, а что приказалъ Государь, то будетъ свято исполнено, не взирая ни на что».

Отъ р. Хоргоса, гдѣ также находится разрушенный кентъ, усѣянный черепами и мертвыми костями, недалеко уже и крѣпость Чинъ-ча-хо-дзи, единственный укрѣпленный пунктъ, взятый штурмомъ въ нынѣшній кульд-жинскій походъ. Чинъ-ча-хо-дзи населенный дунганями, защищался энергично, и, по азіятскимъ понятіямъ, городъ долженъ былъ бы испытать на себѣ всѣ ужасы погрома. Такъ и ожидали жители; зато можно представить себѣ ихъ удивленіе, когда увидѣли они строгую дисциплину русскихъ войскъ, не тронувшихъ ни одного жителя, не присвоившихъ себѣ насильно ни одного снопа дженушки. Это разомъ снискало русскимъ любовь и уваженіе всѣхъ дунганъ. Какъ быстро распространилась вѣсть о неслыханномъ великодушіи русскихъ, доказываетъ то, что ближайшая къ Чинъ-ча-хо-дзи дунганская крѣпость Суйдунъ сдалась безъ боя.

Жители Чинъ-ча-хо-дзи встрѣтили начальника края по своему, своимъ хлѣбомъ-солью: у самыхъ воротъ крѣпости, на низенькомъ, китайскомъ столикѣ поставлены были чашки съ чаемъ и прѣсный, безвкусный хлѣбъ, который можно найти только въ дунганскихъ и китайскихъ городахъ. Толпа узкоглазыхъ и смуглыхъ людей, въ китайскихъ костюмахъ, но большею частію съ тибетейками на головахъ, окружила генераль-губернатора, жадно вслушиваясь въ каждое его слово, передаваемое переводчикомъ, съ наивнымъ удивленіемъ и любопытствомъ вглядывалась въ невиданныхъ имъ дотолѣ людей. Особенно рѣзко выдѣлялся въ толпѣ яншай (начальникъ города) молодой, статный дунганъ, въ бѣломъ, дунганскомъ костюмѣ, съ виду совершенно похожемъ на рубашку. Весьма немногіе въ толпѣ имѣли косы: это были исключительно калмыки или сибо. Дунгане и среди китайцевъ сохранили обычай брить голову и носить тибетейку. Говоримъ: сохранили, потому что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, дунгане суть окитаившіеся среднеазіатскіе мусульмане, издавна поселившіеся въ областяхъ западнаго и средняго Китая. Не будемъ оспаривать это мнѣніе, хотя съ такою же вѣроятностью можно признать дунганъ омусульманившимися китайцами.

Оригиналенъ видъ дунганскаго города, съ характеристичными, китайскими башенками надъ городскими воротами, съ мечетями, въ видѣ китайскихъ пагодъ, фигурно изукрашенными разными лѣпными украшеніями изъ обожженнаго кирпича. Все здѣсь своеобразно: и народъ, и устройство домовъ, и обычаи, которыхъ нельзя встрѣтить въ другомъ мѣстѣ Средней Азій.

Чинъ-ча-хо-дзи весьма небольшая крѣпостца; посрединѣ ея, отъ южныхъ воротъ, во всю длину города тянется улица — базаръ, бѣдный и грязный. Въ лавкахъ продаются только предметы самой насущной житейской потребности; рядомъ помѣщаются харчевни, съ ихъ острымъ, удущающимъ запахомъ, которымъ проникнуты всѣ, безъ исключенія, дунганскіе и китайскіе города. Этотъ запахъ, невыносимый для непривычнаго человѣка,—смѣсь опиума, чеснока и еще какихъ-то другихъ, невѣдомыхъ намъ приправъ, очень употребительныхъ въ дунганской кухнѣ, запахъ нечистоты, скоплавшейся на улицахъ и во дворахъ, можетъ быть въ теченіи столѣтія, перебродившей, промозгшей и пропитавшей своей отвратительной вонью все окружающее. Попробуйте войти въ дунганскую лавку, пройдите за выручку, въ самую внутренность помѣщенія, и если вы пробудете тамъ спокойно четверть часа, то тѣмъ докажете, что ваши нервы обонанія весьма мало отличаются отъ струнъ или чего нибудь подобнаго. Разумѣется, привычка—дѣло великое; наши солдаты пренесправно угощаются въ дунганскихъ кафе-ресторанахъ, и это вовсе не по нуждѣ.

Въ концѣ базара поставлены, Богъ вѣсть для какого назначенія, ворота, совершенно въ родѣ нашихъ триумфальныхъ арокъ, украшенные изображеніями драконовъ, цвѣтовъ, рѣзными фигурами, и т. п. Базарная улица оканчивается бывшей буддѣйской кумирней, нынѣ почти совершенно разрушенной; сохранились только изображенія на стѣнахъ, — на одной сторонѣ семь мужскихъ фигуръ, стоящихъ въ рядъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ сторонѣ бурхана, а на другой стѣнѣ — семь женскихъ изображеній. Костюмы ихъ значительно разнятся отъ нынѣ носимыхъ народовъ и встрѣчаются только на рисункахъ, въ старинныхъ китайскихъ книгахъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ огромный глиняный бурханъ, еще замѣтно и теперь, но самый идолъ уничтоженъ мусульманами, не терпящими, какъ извѣстно, никакихъ человѣческихъ изображеній. Кумирня, гдѣ находился главный бурханъ, построена выше другихъ зданій, вровень съ городской стѣною, къ которой она и примыкаетъ. Къ ней ведетъ широкая лѣстница.

Ворота, о которыхъ мы только что упомянули, и составляютъ главный входъ въ эту кумирню. По всей вѣроятности тутъ было нѣчто въ родѣ сумбе или монастыря; по крайней мѣрѣ, стѣна ограждаетъ не одно, а нѣсколько зданій, которыя почти всѣ обращены фасомъ въ одну сторону, къ входнымъ воротамъ. Передъ первымъ изъ этихъ низенькихъ, одноэтажныхъ зданій находится небольшой, весьма чистенькій, мощный кирпичемъ дворикъ. Въ этомъ-то переднемъ, открытомъ зданіи, болѣе похожемъ на обширную бесѣдку, приготовлено было все для встрѣчи г. генераль-губернатора. Стѣны зданія были покрыты коврами, китайской работы; букеты цвѣтовъ, зелень, огромные китайскіе фонари съ картинами

и надписями, фрески на стѣнахъ у карниза,—все это довершало оригинальное убранство помещенія. Передъ самымъ входомъ, на небольшой террасѣ, стояли два огромные глиняные чана, отлично обожженные и покрытые прочною, зеленою глазурью. Эти чаны были также наполнены цвѣтами, преимущественно астрами.

Толпы народа собрались у воротъ, а болѣе смѣлые пробрались и во дворъ. Г. генераль-губернаторъ роздалъ должностнымъ и почетнымъ лицамъ города цѣнные подарки (серебряныя вещи) и при этомъ объяснилъ, какое значеніе имѣетъ теперь русская власть для дунганъ, избавленныхъ ею отъ угнетенія. «Старые порядки миновались и не возвратятся никогда», говорилъ г. генераль-губернаторъ. «Надо, чтобъ все прошлое было забыто, всякая вражда прекратилась. Императоръ требуетъ, чтобы все населеніе жило въ мирѣ, каждый довольствовался бы своимъ, не отнимая чужаго. Русскій законъ строго преслѣдуетъ за это. Смотрите на русскихъ, какъ на своихъ друзей, которые желаютъ вамъ добра. Я распорядился оставить здѣсь, на зиму роту солдатъ. Живите дружно съ ними. Я надѣюсь, что это и будетъ такъ».

За нѣсколько часовъ до своего отъѣзда изъ Чинъ-ча-хо-дзи, г. генераль-губернаторъ принялъ собравшихся къ нему дунганскихъ женщинъ, женъ здѣшнихъ вліятельныхъ людей. Между ними были и китайки, съ уродливо маленькими ножками. Ни одной изъ явившихся женщинъ нельзя было назвать дѣйствительно хорошенькой, хотя по словамъ лицъ, близко знакомыхъ съ дунганскимъ населеніемъ, между дунганками есть даже замѣчательныя красавицы. Дунгане, хотя и исповѣдуютъ мусульманство, но не считаютъ нужнымъ принуждать своихъ женъ и дочерей закрывать лица. Даже и изъ таранчинскихъ женщинъ въ Кульджѣ, Баяндаѣ и въ другихъ городахъ, многія ходятъ съ открытыми лицами, нисколько не стѣсняясь предъ прохожими, будь они прововѣрные или кяфиры.

Точно такой же характеръ, какъ Чинъ-ча-хо-дзи, имѣетъ и другая, болѣе сильная дунганская крѣпость Суйдунъ; разница только въ деталяхъ. Въ Суйдунѣ зданія больше, народъ не столь обѣднѣлый и разграбленный, въ базарныхъ лавкахъ больше товара, хотя и тутъ, по крайней мѣрѣ на виду, только самые малоцѣнные товары. Все остальное—тщательно припрятано. Весьма изящный и оригинальный видъ представляетъ городская мечеть, съ башенкой, китайской архитектуры, надъ входными воротами. Внутренность мечети не представляетъ ничего, особенно замѣчательнаго; только останавливаютъ вниманіе стѣны главнаго и боковыхъ зданій, выходяція на внутренний, мощный дворъ. Эти стѣны покрыты рельефными изображеніями изъ обожженной глины.

Въ Суйдунѣ оставленъ временной казачій постъ, находящійся подъ начальствомъ сотника Кошцева, жена котораго была одною изъ тѣхъ четырехъ *), самоотверженныхъ женщинъ, сестеръ-милосердія, которыя не боялись раздѣлить съ войсками труды и лишенія, чтобы только облегчить страданія раненыхъ. Г-жа Кошцева умѣла снискать расположеніе и довѣренность даже и туземцевъ, которые, принимая ее за врача, нерѣдко являлись къ ней за медицинской помощью. Г. генераль-губернаторъ довольно долго бесѣдовалъ съ г. Кошцевою и благодарилъ ее за труды и безкорыстную помощь.

Дорога отъ Суйдуна къ Кульджѣ проходитъ по мѣстности, еще сохранившей явные слѣды бывшей когда-то здѣсь культуры. Но теперь, конечно, все это гложетъ, зарастаетъ бурьяномъ. Даже превосходный арыкъ, выведенный изъ р. Канъ китайцами и предназначенный именно для орошенія мѣстности между Суйдуномъ и Кульджею, заглохъ и имѣетъ воду только неподалеку отъ Кульджи. Для изслѣдованія причинъ разрушенія арыка уже былъ командированъ находившійся въ Кульджѣ, поручикъ Туркестанской саперной роты, г. Нидермиллеръ, и есть надежда, что это не будетъ первымъ и послѣднимъ мѣропріятіемъ русской администраціи на пользу подчинившагося народа.

Вправо отъ дороги, на самомъ берегу р. Или, виднѣются обширныя развалины: это—старая или китайская Кульджа, вѣриѣ: Хой-юанъ-ченъ, какъ называли китайцы эту столицу Илійской провинціи. Теперь отъ нея остались однѣ развалины, груды кирпичей, слѣды стѣнъ... Огромная могила, гдѣ полегло, погибло мучительной смертью, въ огнѣ пожаровъ или подъ ножомъ мусульманъ, сотни тысячъ трудолюбиваго и промышленнаго народа. Издалека бѣлѣются и стѣны бывшей русской факторіи, какъ живой укоръ намъ. Еще одна такая обширная могила встрѣчается на пути изъ Суйдуна въ Кульджу; это—развалины Баяндая, города, въ которомъ, какъ говорятъ, было прежде 17 тысячъ жителей... Несчастливая страна, буквально залитая кровью!

Страшно поплатились дунгане за то, что начали въ Илійской провинціи и во всемъ западномъ Китаѣ безпощадное истребленіе китайскаго населенія. Имъ пришлось, въ свою очередь, погибнуть подъ ножомъ таранчей и нахлынувшихъ сюда киргизъ, всегда готовыхъ поразбойничать безнаказанно, лакомыхъ на легкую поживу. Особенно тяжело отозвался на дунганахъ послѣдній день таранчинскаго владычества въ Кульджѣ. Узнавъ

*) Остальныя три сестры-милосердія, мать и двѣ дочери, находятся въ Кульджѣ.

объ изъявленіи султаномъ Абіль-Огя покорности русскимъ, таранчи выместили на дунганахъ и китайцахъ свое горе и отчаяніе. Началась послѣдняя рѣзня и въ ночь на 22-е іюля погибло въ Кульджѣ и ея окрестностяхъ до 2,000 дунганъ. Говорятъ, что дунгане, преждевременнымъ изъявленіемъ радости и сочувствія къ русскимъ, сами накликали на себя бѣду. Можетъ быть и это! Теперь таранчи увѣряютъ, что они напали на слѣды заговора, имѣвшаго цѣлью перерѣзать таранчей въ Кульджѣ, и что они только предупредили дунганъ, не дали имъ привести въ исполненіе свой кровавый умыселъ. Какъ бы то ни было, но говорятъ, что сигналъ къ истребленію дунганъ подалъ одинъ изъ бывшихъ вліятельныхъ таранчей.

Энергическія мѣры, принятые генер.-лейт. Колпаковскимъ, остановили истребленіе: султану и его совѣтникамъ было объявлено, что если рѣзня не прекратится, то они отвѣтятъ своими головами, и эта угроза подѣйствовала. Но уже Кульджа и ближайшіе къ ней кишлаки были залиты кровью. При движеніи отъ Баяндая къ Кульджѣ, войска наши повсюду находили изувѣченные трупы, раненыхъ и умирающихъ. Въ одномъ изъ подгородныхъ арыковъ лежало до 500 труповъ, какъ говорятъ, вывезенныхъ на разсвѣтъ изъ Кульджи, и брошенныхъ здѣсь. Теперь у дороги, подъ самой Кульджею проѣзжающей можетъ замѣтить въ разныхъ мѣстахъ небольшія насыпи: это могилы, въ которыхъ схоронены убитые въ ночь на 22-е іюля.

У мазара, гдѣ погребено тѣло какого-то святаго дунганина, въ пяти верстахъ отъ Кульджи, встрѣтили г. генераль-губернатора представители кульджинскаго населенія и почетные люди отъ всѣхъ округовъ и отдѣловъ Илійской долины. Тутъ же были и торговцы изъ Вѣрнаго (татары и сарты), пріѣхавшіе въ Кульджу для торговли; между ними было нѣсколько кунцовъ изъ Намангана и Кокана, даже одинъ, пріѣхавшій изъ Кабула. Между представителями таранчинскаго населенія Кульджи, первое мѣсто, въ ряду представлявшихся г. начальнику края, занимали бывшіе совѣтники (казначи) султана, главные виновники паденія самостоятельности Кульджинскаго ханства. Они, какъ говорятъ, управляли въ дѣйствительности всѣмъ краемъ, прикрывая только свои распоряженія именемъ и авторитетомъ султана. Въ числѣ казначи были между прочимъ: Абдрахманъ, начальствовавшій таранчинскими войсками на правомъ берегу р. Или, и Тугулакъ, начальствовавшій таранчинскими войсками на лѣвомъ берегу р. Или, нынѣ начальникъ нѣсколькихъ таранчинскихъ кентовъ на этомъ же берегу. Нѣкоторые изъ представлявшихся туземцевъ-таранчей имѣли уже почетные халаты, пожалованные имъ генераломъ Колпаковскимъ. Это именно были лица, назначенныя въ разные обще-

ственные должности по управленію туземнымъ населеніемъ. Въ числѣ ихъ особенно выдавался своею статною фигурою бывший любимецъ султана, минъ-беги Бушри-Гауни. Онъ одинъ изъ первыхъ, еще до изъявленія султаномъ покорности, передался на нашу сторону и теперь назначенъ аксакаломъ города.

Въ ряду почетныхъ лицъ изъ таранчей, былъ также ахунъ, въ дорогомъ халатѣ и огромной чалмѣ, какъ и подобаетъ высшему духовному лицу; рядомъ съ нимъ стоялъ сынъ ех-султана Абдель-Кадеръ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, и зять султана, юноша лѣтъ 19 или 20. Абдель-Кадеръ пріѣзжалъ къ генералу Колпаковскому, вмѣстѣ съ Абдрахманомъ-казначи, для переговоровъ о сдачѣ Кульджи; тогда онъ показался всѣмъ весьма живымъ, бойкимъ мальчикомъ, а теперь, очевидно подъ вліяніемъ наставленій и совѣтовъ приставленныхъ къ нему муллъ, онъ казался какъ бы запуганнымъ, тихимъ и степеннымъ не по лѣтамъ. Только въ послѣдніе дни пребыванія г. генераль-губернатора въ Кульджѣ онъ немного оживился, но держалъ себя все время чрезвычайно скромно и сдержанно, безъ подобострастной угодливости, къ которой весьма склонны всѣ азіатцы, но и безъ самонадѣянной навязчивости. Абдель-Кадеръ чертами лица похожъ на своего отца, разумѣется сколько можетъ походить 14-ти лѣтній мальчикъ на ожирѣвшаго пятидесятилѣтняго старика.

За таранчами слѣдовали представители дунганъ, въ своихъ національныхъ костюмахъ; только одинъ дунганскій мулла явился одѣтымъ въ халатъ и чалму. Генераль-губернаторъ обратилъ на это вниманіе и спросилъ: почему онъ одѣтъ не такъ, какъ его одноплеменники? На заявленіе, что онъ мулла, начальникъ края замѣтилъ: «жаль, что ты не сохранилъ свой прежній костюмъ; дунганская одежда очень хорошая и удобная. Я бы не желалъ, чтобы дунгане перемѣняли ее на халатъ».

Въ числѣ представлявшихся дунганъ, обратили особое вниманіе дунгане-католики, слѣды миссіонерской проповѣди изъ внутренняго Китая. Дунганскихъ христіанъ въ Кульджѣ немного, человекъ 80, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей. До возмущенія въ западномъ Китаѣ, въ Кульджу ежегодно пріѣзжалъ изъ Пекина миссіонеръ совершить таинства и ртслужить обѣдню въ средѣ дунганскихъ неопитовъ. Но теперь уже семь лѣтъ, какъ здѣшніе христіане находятся безъ духовнаго назиданія. И безъ того не твердые въ правилахъ христіанской вѣры, дунганскіе христіане мало по малу начинали уже забывать и сущность религиозныхъ обрядовъ своей вѣры, усвоивая постепенно буддійскіе обряды. Если бы не занятіе русскими войсками при-илійскаго края, то дунгане-католики утратили бы можетъ быть со временемъ и воспоминаніе о своей прежней вѣрѣ. Надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ при-

слушивались они къ православнымъ молитвамъ и присутствовали при богослуженіи въ нашей походной церкви. Всѣ они уже заявили желаніе переселиться въ Вѣрный, въ среду русскаго, православнаго населенія. Генераль-губернаторъ изъявилъ на это согласіе и назначилъ имъ пособіе на переѣздъ и водвореніе въ Вѣрномъ.

Послѣ дунганъ представлялись г. генераль-губернатору китайцы-ханбины или военнопоселенцы и кунцы (маймачины). Это—жалкій остатокъ нѣкогда властвовавшаго въ Илійской долинѣ китайскаго населенія. Китайцевъ считалось здѣсь болѣе 100 тысячъ душъ, а теперь едва-ли наберется и 8 тысячъ; всѣ остальные погибли отъ руки мусульманъ. Не болѣе того (до 5 тысячъ) осталось и дунганъ, такъ что таранчинское населеніе, прежде бывшее самымъ малочисленнымъ въ краѣ, въ настоящее время является преобладающимъ. Рядомъ съ китайцами помѣщались торгоуты, чахаръ-калмыки, сибо, солонны, составляющіе, вмѣстѣ съ киргизами, кочевое населеніе Илійскаго края. Отдѣльнымъ рядомъ стояли ламы, въ обще-китайскихъ одеждахъ, но привилегированнаго, желтаго цвѣта. Одежда остальныхъ китайцевъ, дунганъ, торгоутовъ, сибо и проч., была большею частію темныхъ цвѣтовъ.

Представителемъ манджурскаго племени явился только одинъ человекъ. Манджуры наиболѣе пострадали во время рѣзни; прежде ихъ насчитывалось 6 тысячъ семей, слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 18 тысячъ душъ, а теперь осталось только 450 человекъ.

У мазара, въ числѣ другихъ, представился г. генераль-губернатору бывший урумчинскій дзянь-дзюнь (главный начальникъ провинціи),—высокій, почти совершенно глухой старикъ. Добродушный и довѣрчивый, врагъ крутыхъ мѣръ, онъ не умѣлъ затушить начавшееся въ Урумчи дунганское возстаніе, допустилъ мятежникамъ усилиться, а когда уже мятежь разлился по всему краю, суровыя мѣры оказались бесполезными. За это дзянь-дзюнь былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и правъ и сосланъ на жительство въ Кульджу со всѣмъ своимъ семействомъ. Теперь, во вниманіе къ значительнымъ денежнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ дзянь-дзюнемъ въ отощавшую богдоханскую казну, сыну его пожалованъ офицерскій чинъ, а онъ самъ прощенъ и получилъ дозволеніе возвратиться въ города внутренняго Китая. Вѣдныи старикъ до сихъ поръ не могъ еще воспользоваться полученнымъ дозволеніемъ, вслѣдствіе пограничныхъ смуть и неурядицъ. Г. генераль-губернаторъ обласкалъ старика и обѣщаль ему свою помощь и содѣйствіе къ возвращенію на родину.

Во дворѣ мазара, осѣненномъ густыми, вѣковыми деревьями, приготовлено было угощеніе: чай, пловъ, каурдакъ и гроч. Генераль-губернаторъ пригласилъ съ собой за столъ старика дзянь-дзюня и сына султана.

Остальная толпа народныхъ представителей буквально наполнила просторный дворъ мазара.

Два слова объ этой надмогильной постройкѣ: мазаръ, у стѣнъ котораго происходила встрѣча г. генераль-губернатора, построенъ еще весьма недавно: всего 13 лѣтъ тому назадъ. Прежде на этомъ мѣстѣ находилась малоизвѣстная могила одного подвижника, по имени Терликъ, впрочемъ, уже считавшагося святымъ. Одинъ случай однако высоко поднялъ репутацію святости умершаго: какой-то дунганинъ зимой заблудился въ этихъ мѣстахъ, упалъ въ яму, занесенную снѣгомъ, и уже началъ кочевить отъ холода. Вдругъ предъ нимъ явился святой, подалъ руку, помогъ выбраться изъ ямы и указалъ прямую дорогу въ Кульджу. Избавленный чудомъ отъ неминуемой смерти, дунганинъ всѣмъ разсказалъ о случившемся съ нимъ. Могила Терлика стали чаще посѣщать усердные богомольцы, чтобы взятой съ нея землею потереть себѣ лобъ и глаза. Съ теченіемъ времени воздвигся надъ могилою и нынѣ существующій, весьма изящный мавзолей, въ китайскомъ вкусѣ.

Дорога отъ мазара до Кульджи проходитъ мимо многочисленныхъ китайскихъ и дунганскихъ хуторовъ и кургановъ. Вездѣ по дорогѣ китайцы выходили на встрѣчу своему новому начальнику, выносили, какъ хлѣбъ-соль, арбузы, яблоки, дыни и виноградъ. Радость ихъ была вполне искренна и неподдѣльна. Рассказываютъ, что когда, въ день занятія Кульджи русскими войсками, явились къ генер.-лейт. Колпаковскому почетные люди отъ китайцевъ, то слезы градомъ катились у нихъ изъ глазъ и, конечно, это не были слезы сожалѣнія объ исчезнувшемъ таранчинскомъ владычествѣ. Зато приземистые, плечистые таранчи въ первый день глядѣли очень недружелюбно: кровь еще не высохла на ихъ рукахъ.

Въ Кульджинскомъ ханствѣ русскіе явились покровителями угнетенныхъ таранчами народностей. Чрезвычайно сильное впечатлѣніе произвело на дунганъ и китайцевъ распоряженіе генер.-лейт. Колпаковскаго, по которому они освобождались отъ уплаты контрибуціи (53 тысячи), разложенной исключительно на таранчей и киргизъ, какъ виновниковъ начавшихся военныхъ дѣйствій. Вѣсть о томъ быстро разнеслась по всѣмъ дунганскимъ и китайскимъ городамъ и кентамъ.

При самомъ вѣздѣ въ Кульджу встрѣтили г. генераль-губернатора всѣ войска, расположенныя въ городѣ. Генераль-губернаторъ проѣхалъ по фронту и благодарилъ за славный походъ и строгую дисциплину, неуклонно соблюдавшуюся во все время военныхъ дѣйствій.

Улицы города, по которомъ ѣхалъ г. генераль-губернаторъ, были залиты народомъ. Въ разныхъ мѣстахъ, въ верхнихъ ярусахъ башенъ, напр. при воротахъ бывшаго султанскаго дворца, играла туземная музыка: гре-

мѣль бубень, завывали длинныя трубы; гармоніи нечего было и искать въ этихъ дикихъ звукахъ! Кульджа — почти вполне сартовскій городъ (сами таранчи охотнѣе называютъ себя сартами, также, какъ напримѣръ, коканцы). Только смѣшанное, полу-китайское, полу-таранчинское населеніе придаетъ ему оригинальный характеръ, какой не встрѣчается въ другихъ мусульманскихъ городахъ Средней Азіи. Съ перваго же взгляда останавливаетъ вниманіе большая городская мечеть, въ видѣ китайской пагоды, съ многояруснымъ минаретомъ, съ затѣйливыми рѣзными и лѣпными украшеніями, съ загнутыми къверху краями крышъ. Эта архитектурная форма знакома каждому, но пейзажамъ китайскихъ городовъ, представительницей которой является извѣстная фарфоровая башня въ Нанкинѣ. Постройки изъ жженого кирпича, фигурныя украшенія и черепичныя кровли встрѣчаются теперь, впрочемъ, въ Кульджѣ только на старинныхъ зданіяхъ, построенныхъ еще при китайцахъ. Остальныя постройки — глинобитныя, съ камышевою кровлею, съ типомъ, общимъ всей Средней Азіи. И базаръ такой же, только съ вырубками, загораживающими входъ въ лавки, не крытый сверху, и съ арыками прочно выложенными кирпичемъ. Но, конечно, ужъ не таранчи позаботились обдѣлать кирпичемъ дно и стѣнки арыковъ! Это все — слѣды господства китайцевъ. Кульджа и другіе города Илійскаго края еще и понынѣ питаются остатками того, что было привезено въ край, заведено и устроено китайцами. Только при китайцахъ, съ ихъ любовью къ цвѣтамъ, могъ утвердиться также обычай продавать цвѣты на базарѣ; въ коренномъ среднеазіатскомъ городѣ это сочли бы нелѣпностью. И во многихъ домахъ кульджинскихъ жителей найдете вы цвѣты, какъ украшеніе комнаты; въ садахъ все свободное пространство, не засаженное деревьями, сплошь занято астрами. Цвѣты служатъ, какъ единственное головное украшеніе дунганскимъ женщинамъ; на улицахъ Суйдуна, Кульджи встрѣчаются зачастую голые ребятишки, съ цвѣтами на головахъ.

Г. генераль-губернаторъ проѣхалъ по таранчинскому, дунганскому и китайскому базарамъ — тремъ отдѣленіямъ одного общаго городского базара. Въ одномъ мѣстѣ базара вниманіе начальника края остановили звонъ и стукъ, раздававшіеся изъ лавки. Казалось, что тутъ находится въ ходу огромная кузница, въ дѣйствительности же здѣсь была буддійская молельня и ламы привѣтствовали звономъ проѣзжавшаго генераль-губернатора. Войдя въ молельню, г. генераль-губернаторъ внимательно осматривалъ ея невзрачную обстановку и все принадлежности буддійскаго богослуженія. По его просьбѣ, ламы прочли нѣсколько молитвъ и сожгли въ видѣ жертвоприношенія нѣсколько желтыхъ бумажекъ. Это, по ихъ объясненію, была молитва за Государя Императора.

На другой день по своемъ пріѣздѣ, г. генераль-губернаторъ присутствовалъ при богослуженіи во временной церкви. Помѣщеніе для церкви передѣлано изъ купленнаго въ казну (за 900 рублей) дома одного изъ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ края, Калпе, родственника бывшего султана. Тутъ же, кругомъ церкви устраивается просторное помѣщеніе для госпиталя, съ возможнымъ соблюденіемъ санитарныхъ условій. Временный госпиталь пока помѣщается въ домѣ аксакала Бушри-Гауни, также пріобрѣтенномъ въ казну. Въ этомъ самомъ домѣ, въ декабрѣ прошлаго года, останавливался баронъ А. В. Каульбарсъ, отправленный посломъ въ Кульджу. Думалъ ли онъ тогда, что не далѣе, какъ черезъ 5 мѣсяцевъ, здѣсь уже будутъ русскіе и домъ кульджинскаго сановника преобразуется въ лазаретъ!

Временный госпиталь устроенъ и содержится превосходно. Г. генераль-губернаторъ осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ, останавливался у постели каждаго больнаго, освѣдомляясь о ходѣ его болѣзни. Г. генераль-губернаторъ навѣстилъ также, лежащихъ въ отдѣльной юртѣ, двухъ больныхъ туземцевъ: одного, разбитаго параличемъ китайца и другаго — дунганина, раненаго въ ногу при послѣдней рѣзнѣ въ городѣ. Оба они поправляются.

Въ кульджинскомъ госпиталѣ находятся также бѣлье и госпитальныя принадлежности на 12 человекъ, присланные на имя г. генераль-губернатора изъ склада княгини Барятинской, при первыхъ извѣстіяхъ о началѣ военныхъ дѣйствій на нашей западно-китайской границѣ. Нельзя не отнести съ полною и глубокою благодарностью къ княгинѣ-благотворительницѣ, за ея теплую, сердечную заботливость объ участи нашихъ воиновъ, раненыхъ на одной изъ самыхъ отдаленныхъ русскихъ окраинъ. Дорого и цѣнно для нашего солдата это теплое участіе къ его судьбѣ. Не выскажетъ онъ своихъ чувствъ словами, не пойдетъ благодарить неизвѣстныхъ ему благодѣтелей, но вѣрно въ глубинѣ души помолится за нихъ Богу...

Нѣкоторыя изъ кульджинскихъ зданій передѣлываются также въ казармы для войскъ, занимающихъ Кульджу. Рабочіе — таранчи, дунгане и китайцы, охотно идутъ на работу и недостатка въ поденныхъ рабочихъ никогда не бываетъ. Замѣчательна крайняя дешевизна запрашиваемой ими поденной платы. Въ первые дни по занятіи Кульджи, поденная плата была не выше 5 к. с., а теперь поденный рабочій беретъ уже 15 к. с. И не только въ этомъ случаѣ, но и во всемъ рѣшительно была крайняя дешевизна. Курица стоила 2 к., сотня яицъ — 10 к., пудъ каменнаго угля — 1 к. Теперь цѣны немного поднялись.

Въ числѣ зданій, передѣлывающихся подъ надзоромъ русскихъ инженеровъ и взятыхъ въ казенное вѣдомство, надобно упомянуть также и о дворцѣ ех-султана Абиль-Оглы. Дворецъ этотъ выходитъ воротами на главную базарную улицу. Архитектура дворца нисколько не замѣчательна. Это группа одноэтажныхъ зданій, обнесенная оградой. Только башенки китайской архитектуры, высящіяся по сторонамъ воротъ, отличаютъ дворецъ отъ другихъ городскихъ зданій. Позади дворца было устроено помѣщеніе для султанскихъ сарбазовъ, чтобы можно было всегда имѣть ихъ подъ рукою, въ случаѣ надобности. Не роскошны, темны и низки также комнаты, гдѣ помѣщались жены султана, со своими прислужницами. У султана было три жены: старшая, таранчинка, отъ которой султанъ имѣетъ сына Абдель-Кадера, живетъ и понынѣ въ Кульджѣ, а двѣ другія жены дунганка и китайка пріѣхали въ г. Вѣрный, вмѣстѣ съ султаномъ. При богатомъ внутреннемъ убранствѣ коврами, подушками, китайскими низенькими столиками, оружіемъ,— дворецъ султана еще былъ бы довольно сноснымъ помѣщеніемъ. Но баронъ Каульбарсъ, котораго султанъ принималъ въ этомъ самомъ дворцѣ, не замѣтилъ никакой роскоши и блестящей обстановки въ покояхъ повелителя Кульджи, который однако, по рассказамъ, былъ далеко не бѣдный человѣкъ.

Въ бывшемъ дворцѣ султана устраивается теперь помѣщеніе для туземнаго суда, для начальника отдѣла, его канцеляріи и вообще здѣсь будетъ сосредоточено туземное управленіе Кульджею и окрестными кентами. На мѣстѣ бывшего сарбазскаго двора, примыкавшаго къ восточной части крѣпостной стѣны, будутъ устроены помѣщенія и казармы для артиллеріи. Здѣсь же помѣстится и одна рота 10-го баталіона.

10-го августа, на слѣдующій день послѣ общаго смотра войскамъ, расположеннымъ въ Кульджѣ, г. генераль-губернаторъ разрѣшилъ устроить войсковой праздникъ. Въ этотъ же день розданы были георгиевскіе кресты отличившимся въ дѣлахъ съ таранчами. За солдатскимъ обѣдомъ, послѣ тостовъ за здоровье Государя Императора и командующаго войсками округа, провозглашенъ былъ свиты Его Величества генераль-маіоромъ П. Ф. Брандтомъ *) тостъ: «за здоровье побѣдителя Кульджи и его сподвижниковъ»!

На обѣдѣ, который г. начальникъ края давалъ на слѣдующій день всѣмъ офицерамъ войскъ, занимающихъ Кульджу, также съ искреннимъ

*) Ген. маіоръ Брандтъ прибылъ въ Кульджу для инспектированія войскъ, по Высочайшему повелѣнію.

одушевленіемъ были приняты тосты: священный, обычный тостъ: «за здоровье Государя Императора», и затѣмъ тосты: «за здоровье начальника края, командующаго войсками области и тостъ, предложенный генераль-лейтенантомъ Колпаковскимъ: «за здоровье нашего дорогаго гостя, Петра Федоровича Брандта»! Немногія, но душевные слова, сказанныя генераломъ Брандтомъ, были отвѣтомъ на этотъ тостъ. Подымая бокаль свой, генераль Брандтъ сказалъ: «Господа! Я пріѣхалъ сюда изъ такой отдаленной страны, что страшно и подумать о томъ, какое разстояніе отдѣляетъ меня отъ мѣста моей службы. Но, благодаря вамъ, я нахожусь здѣсь подъ тѣми же впечатлѣніями, къ которымъ привыкъ съ дѣтства, съ которыми я сроднился. Поэтому, господа, позвольте мнѣ предложить тостъ за васъ, за всѣхъ васъ, отъ Герасима Алексѣевича до послѣдняго солдата»!

Предлагая другой тостъ, генераль-маіоръ Брандтъ сказалъ: «Господа! Я ничѣмъ не могу такъ отблагодарить васъ, за вашъ радушный пріемъ, какъ предложивъ тостъ за то, что особенно мило и дорого сердцу: за здоровье семействъ вашихъ»!

Въ тотъ же день г. генераль-губернаторъ роздалъ награды почетнымъ лицамъ изъ туземцевъ; таранчи и киргизы получили богатые, парчевые халаты, какіе, вѣроятно, и не снились имъ никогда. Особливо киргизы пришли въ восторгъ отъ этихъ наградъ. Дунганамъ, китайцамъ и кочевымъ монголамъ генераль-губернаторъ роздалъ, взаменъ халатовъ, цѣнные серебряныя вещи. Пользуясь этимъ случаемъ, г. генераль-губернаторъ еще разъ высказалъ народу, что отнынѣ должны прекратиться всѣ притѣсненія, всякое преобладаніе таранчей и вообще мусульманъ надъ другими народностями Илійской долины. «Государь Императоръ требуетъ, чтобы всѣ жители страны одинаково пользовались правами», говорилъ начальникъ края; «пусть каждый владѣетъ тѣмъ, что ему Господь далъ, хранить и бережетъ свое добро, не отнимая ничего у ближняго. Это запрещаетъ законъ Государевъ, основанный на законѣ Божіемъ. Законъ Государевъ всѣхъ равно награждаетъ и всѣхъ равно наказываетъ. Онъ отличаетъ только добрыхъ отъ злыхъ, правду отъ неправды, оберегаетъ невинныхъ и наказываетъ виноватыхъ. Предъ Государевымъ закономъ всѣ равны и никто, какъ бы онъ ни былъ силенъ и богатъ, не укроется отъ кары закона. Я поставилъ надъ вами начальниковъ, властію, данною мнѣ отъ Государя Императора; слушайте ихъ во всемъ; они укажутъ вамъ, что должно дѣлать, чтобы исполнить требованія закона».

Бывшимъ совѣтникамъ султана, казначей, г. генераль-губернаторъ сказалъ: «все, что случилось, произошло потому, что султанъ и его подданные насъ не знали; если бы между Вѣрнымъ и Кульджею существовала

торговля, кульджинцы лучше бы узнали русских, поняли бы, что мы имъ желаемъ добра, богатѣли бы и благоденствовали. Но, что же дѣлать,—случилось иначе! По волѣ Божіей, власть султана прекратилась, и теперь то, что не хотѣлъ или не могъ исполнить султанъ, исполняютъ русскіе начальники. Народу будетъ хорошо. Тотъ же, кто вздумаетъ сопротивляться, будетъ уничтоженъ; онъ самъ себя погубитъ. Но я увѣренъ, что этого не случится».

Вслѣдъ за раздачею наградъ, начался оживленный, народный праздникъ. Въ бесѣдкѣ, разбитой противъ сада, гдѣ помѣщался г. генералъ-губернаторъ, усѣлись передъ низенькими, китайскими столиками, длинные ряды почетныхъ лицъ изъ туземцевъ. По одной сторонѣ сидѣли таранчи и между ними сынъ султана, а на другой—китайцы, дунгане, калмыки, сибо и другіе монголы, въ своихъ оригинальныхъ, китайскихъ нарядахъ. Въ ряду ихъ сидѣлъ и старикъ дзянь-дзюнь, о которомъ мы уже упоминали выше. Толпы народа окружали бесѣдку: тутъ смѣшивались въ пестрой толпѣ всѣ народности, населяющія Илійскую долину. Въ толпѣ рѣзко выдѣлялись также и бѣлыя рубахи нашихъ солдатъ. Около бесѣдки помѣстились туземные музыканты: китайцы и таранчи, а неподалеку, въ сторонѣ расположились кружки пѣсенниковъ-солдатъ. Оригинальный мотивъ китайской пѣсни заинтересовалъ многихъ. Это было что-то совершенно новое, дикое для европейскаго уха; какія-то невозможныя ноты издавались поющими: молодымъ парнемъ, изображавшимъ разслабленнаго, но сладострастнаго волокиту старика, и мальчикомъ, лѣтъ пятнадцати, костюмированнымъ (разумѣется на скорую руку) дѣвушкой. Онъ расхаживалъ, покачиваясь, какъ ходятъ китаянки на своихъ маленькихъ ножкахъ. Сущность представленія, весьма оживленнаго, состояла въ томъ, что старикъ ухаживалъ за дѣвушкой, стараясь всѣми мѣрами добиться ея благосклонности. Но жестокая красавица долгое время не только не обращала на него вниманія, но даже, разсерженная его навязчивостью, ударила волокиту по щекѣ. Старикъ падаетъ, при общемъ восторгѣ толпы. Какъ онъ ни увлеченъ красавицею, однако же не можетъ простить ей дерзкой выходки. Голосъ его и жесты дѣлаются грозными; онъ не хочетъ даже смотрѣть на дѣвушку, обращается къ ней спиною, изрѣдка показываетъ ей кулакъ, плюетъ въ ея сторону и пр. Теперь роли переменяются: дѣвушка начинаетъ уже заискивать расположеніе старика, что-то поетъ ему очень нѣжнымъ, убѣждающимъ голосомъ и наконецъ, видя, что всѣ усилія ея остаются тщетными, начинаетъ горько плакать. Ея слезы снова смягчаютъ сердце старика; дуэтъ, по всей вѣроятности, обозначаетъ примиреніе и сцена оканчивается поцѣлуемъ и довольно скабрешной позой актеровъ, при общемъ гулѣ восторга собравшейся толпы.

Когда окончилось китайское представленіе, начали пѣть таранчи: полусѣдой и слѣпой старикъ, съ бубномъ въ рукахъ, пѣлъ подъ аккомпанементъ первобытнаго музыкальнаго инструмента, похожаго на цитру. О чемъ пѣлъ старикъ—Богъ знаетъ! Должно быть это были или духовные стихи, или легенда про подвиги батырей. Дикій, но энергическій мотивъ, сильный здоровый голосъ пѣвца составляли рѣзкій контрастъ съ гнусливымъ, какъ бы извѣженнымъ пѣніемъ китайцевъ. Достаточно было прослушать это пѣніе, чтобы сказать безошибочно: кто будетъ первенствовать, одержитъ верхъ, когда дѣло дойдетъ до столкновенія между двумя народами: китайцами и таранчами. Только во внутреннемъ Китаѣ, при страшиномъ избыткѣ народа, китайцы могутъ брать верхъ своею многочисленностью, шапками закидать. На западной окраинѣ своего государства они оказались безсильными предъ энергической натурой чистаго тюркскаго племени, какимъ надобно признать таранчей: языкъ ихъ сильно приближается къ кара-киргизскому, и въ обликѣ, во всей фигурѣ таранчей нѣтъ и слѣдовъ примѣси арійской крови. Почти всѣ таранчи приземисты, широкоплечи, съ рѣдкою бородою, съ типомъ лица, приближающимся къ татарскому. Исключенія вообще весьма рѣдки. Встрѣчаются между ними и монгольскія лица, но это уже зависитъ отъ примѣси китайской крови; у такихъ людей—матери китаянки или калмычки.

Г. генералъ-губернаторъ выѣхалъ изъ Кульджи обратно, въ Ташкентъ, 19-го августа. Наканунѣ, къ начальнику края являлась депутація отъ дунганъ и китайцевъ, чтобы благодарить за взятіе Кульджи, избавившее тысячи народа отъ вѣрной гибели подъ ножомъ таранчей, а также за работы, частію уже начатыя для пользы края. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ должно быть поставлено: возобновленіе арыка, проведеннаго еще китайцами изъ р. Кашъ, для орошенія мѣстности между Суйдуномъ и Кульджею, проведеніе шоссе черезъ Кульджу, отъ южныхъ до сѣверныхъ воротъ, и предположеніе объ устройствѣ моста черезъ р. Или, подъ Кульджею. Быстрота Или у Кульджи чрезвычайно значительна и доходитъ въ большую воду до 9 ф. въ секунду, а въ малую воду отъ 6—7 ф. Противъ Борохуздира быстрота Или доходитъ до 4—5 ф. въ секунду. Вслѣдствіе быстроты теченія, р. Или замерзаетъ только у береговъ, хотя зимы здѣсь бывають очень суровы и снѣгъ выпадаетъ глубокой. Зима въ Илійской долинѣ начинается съ половины ноября и продолжается до первыхъ чиселъ апрѣля.

На обратномъ пути своемъ г. начальникъ края проѣхалъ чрезъ Чингча-хо-дзи на китайскій городъ Луу-цу-гунъ, а оттуда къ ущелью Талки, по которому проходитъ единственная удобная дорога изъ Кульджи на Урумчи и далѣе, въ Китай.

Луу-цу-гунь въ высшей степени обѣдѣвшій, китайскій городъ, населенный ханбинами, т. е. поселенными солдатами. Поэтому-то жители Луу-цу-гуна и пострадали едва ли не болѣе всѣхъ. Они гибли въ сраженіяхъ, гибли и дома, отъ мести таранчей. Все, что можно было ограбить, отнято у нихъ, и бѣдность населенія—поражающая! Грустно смотрѣть на эти полуразвалившіяся стѣны построекъ, на толпы обнищавшаго, голодающаго народа. Прибытіе русскихъ было для нихъ, конечно, свѣтлою, радостною зарею. Толпа народа, болшего частію съ обрѣзанными косами, и дѣтей, совершенно голыхъ, окружила экипажи пріѣхавшихъ. Г. генераль-губернаторъ роздалъ жителямъ пособіе деньгами и кусками закупленныхъ въ Кульджѣ, въ *русскихъ лавкахъ* *) матерій: ситца, тикку, нанки, и т. п. Посѣщеніе г. генераль-губернатора составитъ вѣроятно эпоху въ жизни заброшеннаго китайскаго городка.

Отъ Луу-цу-гуна виднѣется уже въ недалекомъ разстояніи цѣпь горъ, извѣстныхъ у мѣстныхъ жителей подъ разными названіями, но урочищамъ: Аксу, Теректы, Сары-булакъ, Кукакамыръ и проч. Явственно обрисовывается также и весьма доступное ущелье Талки, съ быстрой, горной рѣчкой того же имени. По Талки, какъ мы уже сказали, шла когда-то большая «императорская» дорога въ Пекинъ. Слѣды разработки дороги явственны и понынѣ; черезъ рѣчку во многихъ мѣстахъ перекинута мосты, теперь уже обвалившіеся. Только три моста, въ самомъ началѣ ущелья, еще уцѣлѣли.

Талкинское ущелье, заросшее густою древесною растительностью (урюкъ, таль, рябина, боярышникъ, барбарисъ и проч.) чрезвычайно живописно. Высокія, изборозженныя, изорванныя скалы обрамляютъ его съ обѣихъ сторонъ, на каждомъ шагу представляя новыя, дикія, но величественныя картины. По сѣрымъ или красноватымъ ребрамъ скалъ лѣнятся ели, иногда одиночными группами, иногда широкой, длинной, лѣсистой полосой. Восточный склонъ ущелья поросъ лѣсомъ гораздо гуще, чѣмъ противоположный, западный склонъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ущелье расширяется и тамъ видны одиноко стоящія кучи наваленныхъ камней: это могилы киргизъ кызаевскаго рода, кочующихъ въ горахъ и ниже, въ окрестной равнинѣ.

Подъемъ на самый перевалъ значительно круче, чѣмъ вся остальная дорога по ущелью. Видъ оттуда на массы скалъ, съ вѣчнымъ снѣгомъ въ трещинахъ ихъ вершинъ, еще диче, еще величественнѣе. Полосы ело-

*) Въ самой Кульджѣ съ недавняго времени открылся цѣлый рядъ русскихъ лавокъ, преимущественно съ мануфактурными товарами; въ числѣ ихъ есть и чайная лавка В. П. Кузнецова.

выхъ лѣсовъ кажутся здѣсь уже густыми, черными пятнами на сѣроватомъ фонѣ скалъ. Въ этихъ лѣсахъ, по ребрамъ утесовъ, по высокимъ переваламъ боковыхъ ущелій, встрѣчаются цѣлыя стада мараловъ, но трудно охотиться тамъ за ними.

Еще нѣсколько шаговъ въ сторону отъ вершины перевала — и неожиданно открывается взорамъ большое озеро Сайрамъ-норъ, лежащее на высотѣ 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ тихую, безвѣтряную погоду озеро кажется огромной массой расплавленнаго стекла: такъ прозрачна его вода! При вѣтрѣ озеро измѣняетъ свой чистый голубой цвѣтъ въ синевато-свинцовый. Волны съ шумомъ бьютъ на плоскій берегъ изъ наносной гальки, но и тутъ явственна необыкновенная прозрачность воды и каждая поднявшаяся волна кажется какъ бы выточенною изъ самаго чистаго хрустала. Вода въ озерѣ Сайрамъ-норъ слегка солоновата. Рыбы въ немъ нѣтъ, какъ и въ большей части горныхъ озеръ.

На китайскихъ картахъ Сайрамъ носитъ названіе Сайлиму-норъ. Туземцы въ Кульджѣ утверждаютъ, что названіе Сайрамъ-норъ есть искаженное: Серъ-объ-норъ, т. е. многоводное. Дѣйствительно, озеро Сайрамъ-норъ замѣчательно своей глубиной. Окружность его простирается до 60 верстъ; по наблюденіямъ барона Каульбарса, озеро лежитъ на высотѣ около 5,000 футовъ.

Озеро обрамлено горами, кое гдѣ покрытыми крупнымъ еловымъ лѣсомъ. Верхушки горъ — не снѣговья; только на сѣверной окраинѣ озера, въ горныхъ массахъ виднѣется снѣгъ въ трещинахъ утесовъ.

На западной сторонѣ озера горная цѣпь замѣтно понижается, образуя двѣ явственныя сѣдловины. Здѣсь идетъ дорога на Урумчи, продолженіе талкинской, «императорской» дороги. По словамъ туземцевъ, отъ Кульджи до Урумчи было всего только 18 пикетовъ и разстояніе отъ одного пикета до другаго равняется 100—200 ли. По другимъ рассказамъ, отъ Кульджи до Урумчи 16 дней верховой ѣзды.

На Сайрамѣ находился нынѣшнимъ лѣтомъ отрядъ изъ одной роты и сотни казаковъ, подъ начальствомъ барона Каульбарса. Въ день отъѣзда начальника края отрядъ переведенъ на зимнюю стоянку въ Чинъ-ча-хо-дзи.

3-го сентября, г. генераль-губернаторъ возвратился въ Ташкентъ.

Н. Маевъ.

Отъ Ташкента до Вѣрнаго.

Путевыя замѣтки.

Съ какимъ-то неяснымъ чувствомъ радости, ожиданія чего-то новаго, неизвѣданнаго, оставлялъ я Ташкентъ, въ началѣ мая 1870 года. Предстояла дорога дальняя и весьма интересная: благодатная природа Семирѣчья, живописныя мѣстности Копала, Лепсы, Кастека, снѣговыя массы Ала-тау и Тянь-Шаня, горные проходы, снѣговые перевалы, огромное, загадочное озеро Иссыкъ-куль, русскія, военныя поселенія, заброшенныя въ самую глубь центральной Азии, въ горныя долины Нарына и Каракола, кара-киргизы, калмыки-буддисты, китайцы, бѣжавшіе отъ кроваваго грома, разрушенный до тла Чугучакъ,—все это предстояло увидѣть, поспѣть.

День обѣщаль быть знойнымъ; азіятскій май давалъ себя чувствовать жгучими лучами солнца. Въ неподвижномъ, безвѣтріи воздухъ стоялъ цѣлыя массы пыли, поднятой ногами нѣсколькихъ троекъ и колесами нашихъ тарантасовъ. Ташкентская природа еще не успѣла вполнѣ принять своего обычнаго сѣро-желтаго колорита; деревья еще красовались изъ за глиняныхъ стѣнъ садовъ свѣжею зеленью, стройными колонами вырисовывались тополи, темнѣя на голубомъ фонѣ неба, благоухала расцвѣтающая джигда.... Но въ степи уже успѣла выгорѣть трава; тамъ было душно и тяжело, и раскаленная земля обдавала зноемъ. Только кое гдѣ, по берегамъ арыковъ, еще видѣлась зелень, и глазъ далеко могъ прослѣдить по полямъ эту узкую, зеленую коемку. Безжалостное степное лѣто очевидно вступало въ свои права. Даже надъ горнымъ кряжемъ, который едва-едва вырисовывался на востокѣ, на краю горизонта, не бѣлѣлись полоски и легкіе клубы облаковъ. Глазъ едва могъ различить эти горы, которыя осенью и ранней весной, въ концѣ марта и въ апрѣлѣ такъ рельефно обрисовываются со своими предгорьями и ущельями; даль была задернута какимъ-то сухимъ, сѣроватымъ туманомъ, признакомъ наступающей знойной поры года.

Чемкентъ—ближайшій къ Ташкенту, значительный, азіятскій городъ, отдѣленъ отъ него отрогомъ Каратаускаго хребта. Чемкентскія горы представляютъ невысокую гряду пологихъ возвышенностей, покрытыхъ хорошо луговою растительностію. Извѣстно старинное выраженіе: горы притягиваютъ облака; благодаря этому обстоятельству, вся мѣстность около Чемкента гораздо влажнѣе, чѣмъ окрестности болѣе отдаленнаго отъ горъ Ташкента. Здѣсь дожди перепадаютъ чаще, трава, уже сильно пожелтѣвшая отъ зноя въ степи, около Чемкента еще зелена и свѣжа. Вѣтъ весною, не азіятскимъ маемъ, знойнымъ и душнымъ, а европейскимъ, съ издѣтства знакомымъ намъ.

Въ сторонѣ отъ дороги, справа, въ недалекомъ разстояніи, темной массой выдѣляется двуглавый Казикуртъ-ата, азіятскій Араратъ: по мѣстному преданію, здѣсь остановился послѣ потопа Ноевъ ковчегъ. Пикъ Казикуртъ-ата составляетъ западную оконечность горнаго отрога, незначительной длины (до 45 верстъ), узкаго и крутаго. Отрогъ этотъ отдѣляется отъ главной горной массы у истоковъ р. Бадамъ.

Пикъ Казикуртъ-ата имѣетъ до 7,000 ф. абсол. высоты; по рассказамъ киргизовъ, на вершинѣ его уже съ сентября выпадаетъ снѣгъ; впрочемъ, до ноября снѣгъ покрываетъ вершину пика не постоянно, а только по временамъ, стаевая въ жаркіе дни, которые частенько выдаются азіятской осенью.

Отъ пика Казикуртъ-ата идетъ невысокимъ гребнемъ плоская возвышенность, составляющая водораздѣлъ рѣкъ Арыса и Чирчика, съ отдѣльной, довольно высокой горой, которая возвышается къ юго-западу отъ Чемкента.

Утверждаютъ, что довольно пологіе, сѣверо-западные скаты горъ, обращенные къ Чемкенту, нѣкогда покрыты были густыми садами, уничтоженными во время губительныхъ войнъ между Коканомъ и сосѣдними ханствами. Вѣрна ли эта молва, рѣшить трудно; по крайней мѣрѣ всѣ слѣды растительности и орошавшихъ ее арыковъ, теперь совершенно исчезли.

Чемкентъ лежитъ на развѣтвленіи двухъ трактовъ: на Перовскъ, Казалинскъ и Орскъ, и на Аулие-ата, Вѣрный, Копаль, Сергіополь и далѣе по Сибири. Который изъ этихъ двухъ трактовъ лучше — рѣшить трудно! За вѣрнинскій трактъ много говоритъ его относительное благоустройство, хотя и тутъ проѣзжему приходится вдоволь помучиться, пока доберется онъ до станцій, содержимыхъ В. П. Кузнецовымъ. Но на этомъ трактѣ по крайней мѣрѣ знаетъ онъ, что съ каждымъ шагомъ приближается къ обѣтованной цѣли—къ Вѣрному, гдѣ можно надѣяться найти хорошихъ лошадей, исправные экипажи, однимъ словомъ такое устройство

почтового пути, о котором грѣшно и мечтать проѣзжому по сыр-дарьинской и оренбургской степи. Зато сыр-дарьинскій трактъ значительно короче; шутка ли проѣхать лишнихъ почти двѣ тысячи верстъ! А тутъ еще обыкновенно пугали Кастекскимъ переваломъ, на которомъ осенью даже почту провозятъ не на повозкахъ, а на телѣжныхъ передкахъ; проѣзжимъ же великодушно предоставляется избрать любое изъ двухъ: путешествовать пѣшкомъ или усѣсться на горбъ верблюда и испытать совершенно новыя ощущенія, раскачиваясь, какъ маятникъ, на спинѣ лѣвиваго и упрямаго животнаго. Но объ удовольствіяхъ переѣзда черезъ Кастекъ еще будетъ рѣчь впереди *).

Чемкентскій уѣздъ, отъ Чемкента почти до самаго Аулие-ата, населенъ довольно густо, и уступаетъ развѣ только одному Кураминскому. Здѣсь когда-то процвѣталъ многолюдный Сайрамъ, лежащій нынѣ въ 60 верстахъ отъ Чемкента и отъ котораго теперь остался одинъ только кишлакъ. А нѣкогда Чемкентъ составлялъ только предмѣстье Сайрама! Но удивительно, что въ этой многострадальной мѣстности еще повсюду сохранились явные слѣды бывшихъ мирныхъ земледѣльческихъ трудовъ. Особливо хорошо воздѣланы окрестности Чемкента, съ его большими кишлаками, въ родѣ Манкента, тонущаго въ своихъ зеленыхъ садахъ. Манкентскіе фрукты славятся далеко въ окружности. Далѣе на сѣверо-востокъ садоводство уже не составляетъ характеристическаго занятія жителей, потому что климатъ полагаетъ преграду успѣшному разведенію плодовъ. Рѣзко измѣняется здѣсь природа, чуть не съ каждой верстою пройденнаго вами пространства, и вы чувствуете, наконецъ, что степная, жаркая природа, съ ея характеристическими особенностями, оставлена далеко позади, за гранью чемкентскихъ возвышенностей и другихъ отроговъ и кражей Кара-тау, чрезъ которыя пробираетесь вы теперь въ своемъ тарантасѣ. Встрѣчаются перевалы, каменистые и довольно крутые; медленно ползеть въ гору вашъ экипажъ, надсаживаются тощія почтовые клячи, обреченныя судьбою исполнять до самой смерти свою каторжную работу; ямщикъ-киргизъ тоже усердствуетъ изъ всѣхъ силъ, попукая лошадей чѣмъ только можетъ: и ударами кнута, и руганью.... Нѣтъ, лучше выдти изъ экипажа! Дорога плохая, острые камни рѣжутъ ноги, хрящеватый грунтъ раскалился отъ солнца и обдаетъ зноемъ; по сторонамъ подъема виднѣются каменные глыбы, обвалившіяся съ ближайшихъ вершинъ, и видъ этихъ сѣровато-желтыхъ валуновъ не представляетъ ничего живснаснаго. Внизу,

*) Съ 1-го ноября 1870 года измѣнено направленіе вѣршинскаго тракта, такъ что перевалъ у Кастека остается въ сторонѣ.

саженной пять подъ обрывомъ журчить ручей и колеса тарантаса иногда касаются почти самаго края обрыва; но и ямщикъ, и лошади привычны, и все обходится благополучно. Перевалъ проѣхали. Опять потянулась нагорная равнина, слегка холмистая, — киргизское приволье, обрамленная грядами горъ справа и слѣва. Да и не одни только киргизы нашли полное приволье и благодать въ этихъ горныхъ долинахъ Кара-тау: здѣсь было любимое кочевье турецкихъ хановъ, когда они еще и не думали выступать на историческую сцену. Урочище *Мынъ-булакъ* (тысяча ключей) было издавна любо всѣмъ кочевникамъ.

Недалеко и Аулие-ата; мелькнула какая-то рощица или садикъ, потянулись запашки....

Городъ Аулие-ата расположенъ на берегу быстрого Таласа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, выйдя изъ горъ, разливается на рукава и мало по малу пріобрѣтаетъ характеръ степной рѣки. За Таласомъ виднѣется темная масса горъ: это — начало Александровскаго хребта, который прежде извѣстенъ былъ подъ весьма неопредѣленнымъ названіемъ Кыргызинъ-Алатау. Здѣсь, неподалеку отъ Аулие-ата, — крайняя, западная оконечность этого величественнаго хребта: мысъ Теке-Турмасъ, возвышающійся не болѣе 150 фут. надъ уровнемъ Таласа (2,600 ф. абсол. высоты). Далѣе на западъ виднѣются высоты: Кизыль-Адыръ, большой и малый.

Аулие-ата когда-то былъ большимъ и торговымъ городомъ, но въ Средней Азійи заустѣніе и упадокъ иногда весьма быстро смѣняютъ богатство и процвѣтаніе. Теперь отъ прежняго богатаго Аулие-ата не осталось и слѣдовъ! Люднй городъ превратился въ весьма обыкновенный, киргизскій базаръ. Только въ послѣднее время, съ водвореніемъ въ здѣшнемъ краѣ русской власти, Аулие-ата сдѣлался оживленнѣе прежняго, и населеніе его значительно увеличилось переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Семирѣчья, а болѣе всего — изъ Кокана и Намангана. Въ добрый часъ!

Въ Аулие-ата, какъ почти во всѣхъ среднеазіатскихъ городахъ, не осталось никакихъ памятниковъ отъ прожитыхъ дней. Единственная древность и вмѣстѣ съ тѣмъ — святыня города, есть могила Кара-хана (одного изъ потомковъ шейха или султана Азрета), извѣстнаго болѣе въ народѣ *) подъ названіемъ *Аулие-ата* (святой отецъ). По его имени и самый городъ получилъ свое наименованіе. На могилу Кара-хана, находящуюся возлѣ самаго города, посреди довольно обширнаго кладбища, собирается по пятницамъ и въ большіе праздники много городскихъ жителей,

*) Правильнѣе Азретъ-ходжа-Ахметъ-Ясави; великій мусульманскій святой умершій въ 1820 г.

да и въ будни можно каждый разъ встрѣтить предъ входными дверями въ надмогильную часовню нѣсколько усердныхъ, молящихся мусульманъ. Могила Кара-хана сложена изъ жженого кирпича и не можетъ похвалиться особымъ изяществомъ. Время и здѣсь положило на единственный, сохранившійся памятникъ древности свою тяжелую руку: рельефныя изображенія на кирпичахъ во многихъ мѣстахъ изгладились, сводъ обрушился, обвалились и башенки, находившіяся по угламъ, надъ портикомъ. Вся постройка надъ могилою Кара-хана уже не имѣетъ прежняго изящества. Это—скорѣе руина, а равнодушіе и азіятская неподвижность почитателей мусульманскаго святаго съ каждымъ годомъ подвигаютъ впередъ дѣло разрушенія. Нѣкоторыя могилы на ауліе-атинскомъ кладбищѣ сложены изъ жженого кирпича, взятаго изъ полуразвалившейся часовни Кара-хана, благо недалеко было ходить за готовымъ матеріаломъ. Усерднымъ читателямъ ауліе-ата вѣроятно ни разу не приходила въ голову мысль о реставрированіи часовни. Зато благочестіе горожанъ украсило могилу святаго хана черепами барановъ съ огромными рогами. Эти черепа разложены рядами надъ входными дверями въ часовню, на небольшомъ, выдающемся карнизѣ. Рога на востокъ—служатъ символомъ силы, и туземное преданіе даже Александра Македонскаго называетъ *залкарна*, т. е. *двурогій*.

Муллы утверждаютъ, что часовня надъ могилою Кара-хана построена Тамерланомъ; но здѣсь, въ Средней Азій, каждое, болѣе или менѣе выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ сооруженіе, приписывается обыкновенно Тамерлану.

За Таласомъ, верстахъ въ семи отъ Ауліе-ата, находится другая, чтимая мѣстными жителями могила: Текъ-турмасъ-ата. Погребенный здѣсь святой былъ начальникомъ артиллеріи у Кара-хана.

Наконецъ упомянемъ еще о могилѣ родственницы Кара-хана, Гайша-биби (по киргизски Асса-биби). Она погребена въ 17 верстахъ отъ Ауліе-ата, близъ рѣчки Асса, получившей названіе свое отъ могилы, находящейся на ея берегахъ. Надмогильная постройка Гайша-биби сохранилась гораздо лучше могилы Кара-хана. Вся она сложена изъ кирпичей, покрытыхъ рельефными украшеніями; самая кладка кирпичей образуетъ прихотливые узоры, и кажется особливо эффектною издали, вечеромъ, когда вся могила озарена косыми лучами заходящаго солнца. Кругомъ могилы насажены деревья, такъ что мѣсто упокоенія мусульманской подвижницы представляетъ весьма отраднѣй, тѣнистый уголокъ среди степной глади. Съ противоположной стороны дороги (могила Гайша-биби находится при самой дорогѣ) въ недавнее время основался новый, небольшой кишлакъ, также съ довольно густою зеленью насаженныхъ деревьевъ.

Окрестности Ауліе-ата не всегда были населены исключительно кочевыми киргизами; нѣкогда здѣсь жило осѣдлое населеніе, оставившее во многихъ мѣстахъ несомнѣнные признаки своего пребыванія. Такъ, напр., въ 25 верстахъ отъ Ауліе-ата, внизъ по Таласу, находятся развалины города Тюме-кентъ; здѣсь, по мѣстному преданію, жила дѣвушка, далеко славившаяся своею красотой. Ее полюбилъ князь или глава дивовъ или гигантовъ (деу), обитавшихъ въ сосѣднихъ горахъ. Чтобы приготовить достойное помѣщеніе для своей возлюбленной подруги, деу началъ строить городъ, бросая огромные камни изъ горъ Макъ-балъ. Постройка эта почему-то не состоялась и теперь недостроенный городъ представляетъ видъ заустѣлыхъ развалинъ. Окрестные жители называютъ эти развалины Акыръ-ташъ (каменные ясли) или Тасъ-кутанъ (каменная ограда). Такъ гласитъ преданіе, очевидно созданное фантазіей народа. Изъ всей этой легенды справедливо только то, что работы, дѣйствительно, остановлены были внезапно, какимъ-то важнымъ событіемъ. Камни, которые строители выламывали изъ горъ, во многихъ мѣстахъ брошены были на пути, по которому ихъ перевозили; это—огромныя глыбы красноватаго, желѣзистаго песчаника. Самыя большія изъ нихъ—футовъ семь длины, отъ 2 до 4 футъ ширины и 2 ф. высоты. Между станціями Акыръ-тюбе и Ишъ-булакомъ, въ 44 верстахъ отъ Ауліе-ата и верстахъ въ 20 отъ дороги, видны явственные слѣды производившихся работъ по постройкѣ: возводилось какое-то зданіе въ большихъ размѣрахъ, (длиною до 600 футовъ, шириною—въ 450 ф.); по всей вѣроятности это недостроенный караезъ-сарай или буддѣйскій монастырь. Донынѣ видны ряды комнатъ и нѣсколько дворишковъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ. На одномъ изъ камней изсѣчена надпись, манджурскими буквами, въ которой говорится о побѣдѣ, одержанной китайцами надъ джунгарами (калмыками). Нѣкоторые камни обдѣланы въ форму, похожую на ясли, т. е. имѣютъ прямоугольные желоба, глубиною до 4 вершковъ, отъ чего и развалины получили свое названіе *Акыръ-ташъ* (каменные ясли). По мнѣнію А. Лерха, всѣ эти камни, разбросанные отъ горы до мѣста, гдѣ предполагалась постройка, приготовлены были для стѣнъ строенія, а углубленія въ нихъ должны были образовать ниши во внутренней сторонѣ зданія. О развалинахъ Акыръ-ташъ упоминается въ путешествіи Чанъ-чуня, *) даосскаго монаха, отправившагося въ 1222 году изъ Китая, чрезъ Сайрамъ, Ташкентъ, (Шанъ) и Самаркандъ (Семи-сы-ганъ) въ лагерь Чингизъ-хана.

Къ сѣверу отъ Акыръ-таша, на лѣво отъ караванной дороги въ Мер-

*) Переведено и издано архим. Палладіемъ.

ке, видны слѣды древняго укрѣпленія, а близъ первой станціи отъ Ауліе-ата, по дорогѣ въ Мерке, видна группа кургановъ, сложенныхъ изъ крупнаго щебня. Киргизы называютъ эти холмы: *Джети-тюбе*, т. е. *семь холмовъ*, но ихъ болѣе, до шестнадцати. Самые большіе имѣютъ у подошвы отъ 200 до 250 шаговъ въ окружности. Относительно названія этихъ холмовъ, Джети-тюбе, можно привести слѣдующую догадку: Моголистаномъ или *Джете* называлась страна на востокъ отъ Мавереннахра *) и Туркестана, т. е. нынѣшнее Семярѣчье, и Ауліе-атинскій округъ. Моголистанъ назывался также *страною Джеты* или *улусомъ Джетинскимъ*. Г. Лерхъ полагаетъ, что джети есть тотъ же народъ, который въ китайскихъ лѣтописяхъ названъ *с-тхи*, а г. Вельяминовъ-Зерновъ считаетъ *джете* или *чете* тождественными съ *чатами* или *жагатами*, народомъ, жившимъ на р. Оби, при сибирскомъ ханѣ Кучумѣ.

Было когда-то предположеніе: сдѣлать Ауліе-ата административнымъ центромъ новопокореннаго Туркестанскаго края; нынѣшній генераль-губернаторъ, отправляясь въ 1867 году изъ Петербурга, не зналъ еще, гдѣ ему удобнѣе будетъ утвердить свое мѣстопробываніе: въ Ауліе-ата или въ Ташкентѣ. Внимательно осмотрѣвъ мѣстность, на которой расположенъ городъ, ближайшія его окрестности, взвѣсивъ всѣ условія, начальникъ края призналъ болѣе полезнымъ назначить административнымъ центромъ Ташкентъ, какъ мѣстность, ближайшую къ границѣ сосѣднихъ ханствъ. Туда тяготѣла наша политика, направлялась русская торговля, тогда какъ западная, китайская граница Туркестанскаго края была въ то время совершенно недоступна для русской торговли. Въ санитарномъ отношеніи Ташкентъ также имѣетъ преимущество предъ Ауліе-ата. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Ташкентъ сдѣлался главнымъ городомъ всего края, и получилъ быстрое и широкое развитіе, тогда какъ Ауліе-ата остался по прежнему небольшимъ уѣзднымъ городкомъ.

Туго развивается здѣсь и русскій поселокъ; сырцевые домики глядятъ какъ-то сиротливо-невзрачно; зелени мало, и та какая-то чахлая, скупая. Строится церковь на сумму, собранную пожертвованіями, и судя по начальному ходу работъ, зданіе церкви будетъ лучшимъ украшеніемъ русскаго Ауліе-ата.

Тотчасъ же за русскимъ поселкомъ высятся на небольшомъ холмѣ полусбитыя стѣны цитадели, съ башенкой, возвышающейся надъ стѣною; и башенка и стѣна уже доживаютъ свои дни: существенной надобности

*) *Мавереннахъ* — страна между Сырт-Дарьею и Аму-Дарьею.

въ нихъ не предвидится. Издали, съ береговъ Таласа стѣна города и башенка, полузакрытая зеленою дѣревяною, кажутся очень живописными. За цитаделью — домъ уѣзднаго начальника, съ весьма недурнымъ садомъ, покуда — лучшее зданіе во всемъ Ауліе-ата.

Ауліе-ата взятъ штурмомъ 4-го іюня 1864 года полковникомъ (нынѣ генераль-маіоръ) Черняевымъ. Атака поведена была на лѣвую часть городской стѣны и войска наши: четыре роты 8-го баталіона, быстро ворвались въ городъ. Цитадель не защищалась и ауліе-атинскій бекъ бѣжалъ, какъ только войска наши перешли городскую стѣну.

Дорога отъ Ауліе-ата до Токмака проходитъ по мѣстности, оживленной кочевками киргизъ, вдоль Александровскаго хребта, который возвышается здѣсь огромною, неприступною стѣною. Отдѣльные пики его во многихъ мѣстахъ покрыты вѣчными снѣгами. Высшія вершины Александровскаго хребта находятся именно здѣсь, между укрѣпленіемъ Пишпекъ и Токмакомъ, и достигаютъ до 15 тысячъ футъ высоты. Полковникъ Проценко замѣтилъ здѣсь даже свѣтлыя полосы и пятна, показавшіяся ему ледниками. Чрезвычайно эффектенъ видъ этихъ свѣтлыхъ, причудливо разнообразныхъ снѣжныхъ массъ, выдающихся изъ за темныхъ предгорій. Особливо отчетливо рисуются они утромъ на лазури неба, еще не затемненнаго облаками, обыкновенно накапливающимися къ полудню надъ горами.

Вѣчные снѣга появляются въ Александровскомъ хребтѣ также между истоками рѣкъ: Макмала и Чанартъ, къ западу отъ Мерке. Во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ Александровскій хребетъ не превышаетъ снѣговой линіи, но до самой жаркой поры лѣта гребень хребта покрытъ нарастающимъ еще, зимнимъ покровомъ снѣга. Помню, какъ красивъ былъ видъ всей этой непрерывной, мрачной гряды горъ, съ ея снѣговыми полями, вершинами и острыми пиками, обложенными густыми, грозowymi облаками. Заходящее солнце придавало всей огромной массѣ хребта мягкій, фиолетовый тонъ, знакомый каждому по безчисленнымъ живописнымъ изображеніямъ италянскій и швейцарскій природы. Снѣжные пики, облитые солнцемъ, казались выточеными изъ розоваго кристалла. Но этимъ прелестнымъ пейзажемъ можно было любоваться долго нѣсколько минутъ... Находили тучи, и все снова затягивалось сѣрой дымкой тумана, и снова обрисовывались широкія полосы дождя, неустанно лившаго въ горахъ уже нѣсколько дней сряду.

Минуя небольшое укрѣпленіе Мерке, пріютившееся близъ подошвы Александровскаго хребта, въ виду огромной горной массы, которая возвышается здѣсь какимъ-то исполиномъ, минуя Пишпекъ, когда-то сильную коканскую крѣпость, а нынѣ невзрачное поселеніе, — подъѣзжаете вы къ Токмаку. Отъ коканскаго Пишпека остались теперь одни только слабыя

воспоминанія, въ видѣ стѣнъ, избитыхъ и изрытыхъ во многихъ мѣстахъ. Стѣны эти имѣли до 105 саж. длины въ каждомъ фасѣ, и образовали почти правильный четверугольникъ, съ угловыми башнями или бурджами—обыкновенный, среднеазиатскій видъ укрѣпленія. Стѣна усиливалась рвомъ и гласисомъ, который обстрѣливался орудіями, фальконетами (турками) и ружейнымъ огнемъ. Защищали Пишпекъ лучшія коканскія войска (сар-базы). Пишпекъ считался сильнѣйшею изъ всѣхъ пограничныхъ, коканскихъ крѣпостей ханства.

Теперь запуская мѣстность Пишпека въ скоромъ времени немного оживится: сюда предположено перенести Токмакъ, гниющей въ своихъ болотахъ. Уже выбрано мѣсто для новаго уѣзднаго города, мѣсто ровное, сухое, обильное проточною водою; кажется—всемъ хорошо, развѣ впоследствии окажутся тутъ какія нибудь прорухи, о которыхъ теперь никому и въ голову не приходитъ. Нечего грѣха таить — бывало и это у насъ зачастую!

Въ настоящее время (съ 1-го ноября) измѣнилось направление почтового тракта: отъ Пишпека онъ идетъ къ новопостроенному мосту на р. Чу, а отсюда, чрезъ горный кряжъ, минуя затруднительный для ѣзды Кастекъ. Во время моего проѣзда, весной 1870 года, работы по устройству моста были въ полномъ ходу. Чу въ этомъ мѣстѣ несетъ (въ полномъ смыслѣ слова) между глинистыми, довольно низменными берегами, подмывая ихъ и унося массы глины. Мутныя волны Чу не кипятъ и не пѣнятся, перекидываясь черезъ камни, подобно горнымъ рѣчкамъ. Здѣсь Чу—уже степная рѣка; только быстрина, замѣтная, если наблюдать какіе нибудь плывущіе предметы, указываетъ, что тамъ, въ горахъ, ежеминутно свергаются съ сопокъ въ русло Чу массы снѣговой воды.

Вотъ и Токмакъ, съ его русскимъ населеніемъ, захолустный великорусскій уголокъ, занесенный волею судьбы въ азиатско-киргизскую глушь. Въ Токмакѣ водворено 1,800 переселенцевъ обоюго пола и живутъ постоянно до 120 туземныхъ семействъ. Великорусскій типъ преобладаетъ въ Токмакѣ; куда ни взгляните — вездѣ льняные волосы, некрасивыя лица, зипуны изъ сѣраго, крестьянскаго сукна. Токмакъ—деревня, которой приказано назваться городомъ. Кругомъ его болота, населенныя милліонами лягушекъ, поднимающихъ по вечерамъ оглушительный концертъ. Лихорадки исправно треплютъ жителей, которые, по русской привычкѣ, не считаютъ нужнымъ слишкомъ беречь свое здоровье. Въ сторонкѣ, ближе къ р. Чу, стоитъ церковь, пока еще временная, низенькая и невзрачная. Дальше видѣнъ редутъ, Богъ вѣсть для чего существующій и до настоящаго времени. Внутри этого укрѣпленія пріютились: госпиталь, острогъ, гаубтвахта,

провіантскій складъ, пороховой магазинъ,—однимъ словомъ все, чему прилично помѣщаться въ цитадели, подъ охраною 2 или 3 орудій и нѣсколькихъ часовыхъ.

Обогнемте этотъ грозный редутъ и спустимтесь по дорогѣ внизъ: вотъ базаръ, обсаженный рядами деревьевъ—тала и осокори; базаръ невеликъ и небогатъ, да чего и ждать отъ Токмака! Какая тутъ можетъ быть торговля, кромѣ удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей!

Впрочемъ нельзя сказать, что природа совершенно обездолила Токмакъ и вообще весь Токмакскій уѣздъ. Если исключить мѣстность, занимаемую нынѣшнимъ Токмакомъ, да еще двѣ-три подобныхъ же, то Токмакскій уѣздъ можно признать вполне пригоднымъ для русскихъ поселеній, которыя и прививаются здѣсь весьма успѣшно. Встрѣчаются мѣста съ превосходною, тучною землею, которая лѣтомъ покрывается цѣлымъ ковромъ сочныхъ, здоровыхъ для скота, цвѣтущихъ травъ. И земледѣліе, и скотоводство здѣсь легко пойдутъ рука объ руку, два промысла, особенно присущіе русскому человѣку. И природа здѣсь не азиатская, сухая и палая, непривычная для переселенца, а скорѣе — сибирская. Дожди выпадаютъ частенько, нѣтъ ни тигровъ, ни другихъ хищныхъ звѣрей, отъ которыхъ пришлось бы зорко оберегать свои стада. Развѣ только обиліе каракуртовъ можетъ служить характеристическою, хотя и весьма неприятною, особенностью всей полосы, отъ Аулие-ата до Вѣрнаго и даже далѣе, до Копала. Каракуртъ — черный тарантулъ, небольшой паучекъ, самаго зловреднаго свойства: укушеніе его смертельно. Но, конечно, укушенію его подвергаются тѣ, которые ходятъ босикомъ, спятъ на голой землѣ, и т. п. Вблизи Токмака видѣнъ надгробный памятникъ: кругловатый камень, поставленный надъ могилою цѣлаго киргизскаго семейства, умершаго отъ укушенія каракуртомъ; такіе случаи, безъ сомнѣнія, весьма рѣдки. Нору каракурта легко замѣтить: это небольшое отверстіе въ песчаномъ грунтѣ, затканное сверху паутиной. Ядъ каракурта смертеленъ даже для большихъ животныхъ; мнѣ случилось однажды видѣть верблюда, издыхающаго въ страшныхъ корчахъ отъ укушенія этимъ, довольно невиннымъ по виду насѣкомымъ. Сцена эта рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти: страдающій верблюдъ, съ пѣной у рта, валялся по землѣ, а кругомъ его сидѣли въ рядъ киргизскія дѣвушки и мѣрно покачиваясь, пѣли какую-то заунывную, однообразную пѣсню; по киргизскому повѣрью, такое пѣніе облегчаетъ страданія укушеннаго каракуртомъ, и даже можетъ вылечить его. Наступила ночь, загорѣлся костеръ, а дѣвушки все еще продолжали свое пѣніе и мерцающій, красноватый свѣтъ костра дѣлалъ еще поразительнѣе эту степную картину.

Токмакскій уѣздъ и горныя долины, лежація къ югу отъ него—коренное мѣстопребываніе кара-киргизовъ (черныхъ или дикокаменныхъ киргизовъ), нѣкогда ожесточенныхъ нашихъ враговъ и смѣлыхъ барантачей. Теперь *) все измѣнилось; кара-киргизы присмирѣли, волей или неволей подчиняясь русскимъ порядкамъ. Удалые набѣги кара-киргизскихъ батырей на исконныхъ ихъ враговъ, казаковъ (т. е. киргизовъ средней орды) перешли въ область пѣсенъ и преданій. Но при разказахъ о бывшихъ подвигахъ, глаза кара-киргиза блещутъ, и въ душѣ онъ остался тѣмъ же закоренѣлымъ барантачемъ. И не удивительна грусть киргиза по старымъ порядкамъ: баранта была для него не простымъ разбоемъ, не преступленіемъ; это была цѣлая поэма, рядъ приключеній, тѣсно вязавшихся одно съ другимъ и разнообразившихъ монотонную жизнь кочевника. Тутъ находила исходъ дикая вода и утолялось чувство мести, удовлетворялась гордость родовичей, захватывалась съ боя богатая добыча. Одна баранта вела за собой другую, наполняя такимъ образомъ всю жизнь киргиза цѣлью самымъ разнообразныхъ приключеній. Все это теперь отиѣнено, запрещено, признано преступнымъ... Но чѣмъ же мы замѣнили то, что исключительно наполняло бытъ киргиза?... Ничѣмъ; и еще пройдетъ много, много лѣтъ до тѣхъ поръ, пока киргизъ перестанетъ чувствовать въ своей жизни непривычную и несносную пустоту.

Въ Токмакѣ мнѣ удалось слышать однажды киргизскую музыку, подъ звуки которой киргизы собирались на баранту, нападали на противниковъ, торжествовали удачу, и т. п. Ухо скоро привыкало къ этимъ дикимъ, но не лишечнымъ музыкальнымъ звукамъ. Старикъ киргизъ игралъ на дудкѣ (сурнау); другой киргизъ вторилъ ему: они играли сборъ на баранту. Издали звуки сурнау, теряя свою рѣзкость, казались особенно пріятными. Черезъ нѣсколько времени мотивъ пѣсни измѣнился, сдѣлался отрывистымъ, рѣзкимъ и короткимъ; музыканты играли какъ будто въ то-ропяхъ, перебывая другъ друга. Иногда первый музыкантъ долго тянулъ какую нибудь громкую, протяжную ноту, въ то время, какъ его товарищъ не переставалъ варьировать все тотъ же, быстро повторяющійся мотивъ. Выходило что-то дикое, непривычное для европейскаго уха, но въ высшей степени своеобразное. Мнѣ объяснили, что музыка изображаетъ переговоры собравшихся батырей и манановъ.

Мотивы, изображающіе битву или вѣрнѣе—самый набѣгъ, показались мнѣ менѣе выразительными. По крайней мѣрѣ я съ трудомъ могъ отли-

*) Угонъ скота и вообще погромъ, нанесенный чуждому, враждебному роду, поколѣнію, и т. п.

чить ихъ отъ сбора на баранту, хотя и вслушивался весьма внимательно. Впрочемъ, битва—сюжетъ, достойный симфоніи, и, конечно, мудрено было изобразить ее двумя киргизскими дудками! За то мотивы, изображающіе благополучное возвращеніе въ родной ауль, послѣ удачной баранты, не лишены были радостной торжественности, и рѣзко отличались отъ всего, что до того времени играли музыканты.

Этотъ музыкою кара-киргизы воодушевляли себя въ былое время, а теперь она мила и дорога имъ, только какъ память прошлаго.

Черезъ Токмакъ проходитъ главная дорога въ самую среду кара-киргизскихъ кочевьевъ, въ Иссыкъ-кульскій уѣздъ и на русскія поселенія: Акъ-су, Кара-коль и Нарынъ, какъ бы вы ни вздумали туда проѣзжать, чрезъ переваль Шамси или по Буамскому ущелью.

Токмакъ поставленъ на такомъ мѣстѣ, что дорога отсюда къ Вѣрному должна непремѣнно проходить чрезъ Кастекскій переваль; еще до входа въ ущелье видѣнъ на правомъ берегу р. Чу невысокій кряжъ горъ: это отрогъ Александровскаго хребта, направляющійся на сѣверо-западъ, и значительно понизившійся, въ сравненіи съ громадою главнаго хребта, который обрисовывается своими пиками и вершинами на юго-востокъ отъ Токмака. Здѣсь, за Чу, въ ущельѣ, образуемомъ горами Мэй-тау, убитъ въ 1847 году извѣстный султанъ Кенисара Касимовъ, внукъ Аблай-хана. Память о немъ и о борьбѣ его съ кара-киргизами живо сохранилась въ народѣ и вѣроятно проживетъ еще весьма долго. Борьба Кенисары съ дикокаменными или кара-киргизами составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ жизни киргизскаго батыря. Не смотря на всѣ крутыя, даже свирѣпыя мѣры, ему не удалось подчинить своей властиволюлюбивыхъ кара-киргизъ. Жестокости Кенисары только еще болѣе ожесточали его враговъ. Кенисара хотѣлъ подѣйствовать терроромъ; онъ не щадилъ даже мертвыхъ. Вблизи Токмака находятся могилы киргизскихъ батырей Коная и Исса-ходжи; Кенисара вырылъ изъ могилы ихъ трупы и приказалъ обезглавить. Наконецъ смертельнымъ врагамъ Кенисары, мананамъ Джантаю и Урману удалось отовсюду окружить Кенисару на горахъ Мой-тау. Силы были слишкомъ неравны и Кенисара долженъ былъ отдаться въ руки враговъ. Джантай, уважая храбрость султана Кенисары, не хотѣлъ наложить на него свою руку; онъ не принялъ его даже въ свою юрту, говоря, что не можетъ пощадить челоуѣка, который принесъ много зла его сородичамъ. Урманъ не былъ столько великодушенъ и въ его юртѣ Кенисара былъ убитъ. Въ киргизскихъ пѣсняхъ говорится, что онъ былъ изрубленъ айбалтами (топорами на длинныхъ древкахъ), но по другимъ извѣстіямъ, Кенисара былъ сваренъ живой въ котлѣ. Местъ—совершенно азійская! Вспомнимъ первый подвигъ Чингизъ-хана, который

также сварил живыми захваченных въ плѣнъ предводителей враждебныхъ ему родовъ.

Мы уже говорили выше, что дорога отъ Токмака къ Вѣрному проходитъ чрезъ Кастекское ущелье; до настоящаго времени это была самая затруднительная часть пути между осѣдлыми мѣстностями, лежащими у сѣверной отлогости Александровскаго хребта и областнымъ городомъ Семирѣчья—Вѣрнымъ (Алматами); осенью и зимою, т. е. съ октября по апрѣль, проѣзжимъ приходилось бѣдствовать, въ полномъ смыслѣ слова, на крутомъ перевалѣ, между станціями: Кара-булакъ и Кастекъ. Тутъ уже, безъ разбора, пускались въ ходъ всѣ способы передвиженія: ѣхали въ тарантасахъ, саяхъ, верхомъ на лошади, на верблюдѣ, пѣшкомъ,—даже на передкѣ почтовой повозки (такъ ухитрились возить почту). Лѣтомъ Кастекское ущелье, хотя и представляетъ, по крутизнѣ подъема въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, затрудненія для проѣзжихъ, но говоря вообще, — нисколько не страшно и вовсе не опасно. Въ началѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи Кара-булакъ, ущелье еще довольно широко; пологій подъемъ идетъ между крутыми, но невысокими горами, покрытыми травой и кое гдѣ—низкорослымъ кустарникомъ. Здѣсь дорога вполне удобна даже для колесныхъ экипажей, но, чѣмъ ближе въ вершинѣ перевала, тѣмъ все болѣе суживается ущелье, тѣмъ быстрѣе и шумливѣе становится протекающая по немъ, неглубокая, горная рѣчка. Мѣстами огромныя глыбы, оторвавшіяся отъ скалъ, загромождаютъ дорогу и надо употребить много труда и усилія, чтобы очистить и разровнять дорогу. Верстахъ въ 6 или въ 5 отъ вершины перевала проѣзжающіе обыкновенно выходятъ изъ экипажей и ѣдутъ верхами. Дорога здѣсь особенно трудна и подъемъ становится весьма крутъ. Чувствуется свѣжесть горнаго воздуха, замѣтно измѣняется также и флора...

Вершина перевала лежитъ на высотѣ 7,600 футовъ *), и состоитъ изъ пластовъ слюдястаго сланца, поднятыхъ почти вертикально. Ниже вершины перевала замѣтны: известнякъ, гранитъ, а на южномъ склонѣ ущелья—также и сіенитъ **). Превосходный видъ открывается съ вершины перевала; между скалами, образующими сѣверный склонъ ущелья,

*) Въ какой мѣрѣ возвышается мѣстность между Токмакомъ и Кастекомъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Токмакъ	— 2,700 ф.	Ст. Сары-Джазъ	4,300 ф.
Кара-булакъ	— 3,570 "	Ст. Кастекъ	" 3,300 "
Кастекскій переваль	" 7,600 ф.	Вѣрный	" 2,500 "

**) *Сѣверцевъ*: Поѣздка въ западную часть Небеснаго хребта.

видна долина р. Чу; точно серебристая лента, извивается по ней эта рѣка; влѣво темной массой встаетъ Александровскій хребетъ съ его вѣчными снѣгами, съ полосами и пятнами лѣсовъ, явственно выдѣляющихся въ лѣтніе, солнечные дни. Можно различить и трещины ущелій: Буама, Шамси и Кебина. Изъ за передней, массивной гряды виднѣются пики втораго, параллельнаго хребта. Къ западу—опять горы, то голыя и обрывистыя, то одѣтыя нѣжной зеленью низкорослой травы. Между ними рѣзко выдѣляется масса Суокъ-тюбе (10,000 ф. высоты), испятнанная снѣговыми полями, сохранившимися кое гдѣ, во впадинахъ. Отъ вершины Суокъ-тюбе спускаются въ разныхъ мѣстахъ бѣлыя полосы: это снѣгъ, лежащій въ трещинахъ и между небольшими гребнями, идущими отъ вершины пика по склонамъ. Таутированная громада Суокъ-тюбе кажется весьма красивою, если смотрѣть на нее отъ Кастека, бывшаго укрѣпленія, а теперь—просто почтовой станціи. Но эти же снѣговыя массы навѣвають холодъ на всю окрестную мѣстность, когда вѣтеръ дуетъ съ горъ, и народъ не даромъ назвалъ эту вершину *холодной горою* (Суокъ-тюбе).

Спускъ отъ вершины перевала еще круче и опаснѣе для экипажей, чѣмъ подъемъ; но боковыя горы, обрамляющія ущелье, хотя весьма круты и высоки, однако не представляютъ еще мрачнаго вида скалъ. Только отъ станціи Сары-джазъ, пріютившейся въ логовинѣ, тамъ, гдѣ ущелье значительно расширяется, начинается собственно самая дикая и живописная часть Кастекскаго ущелья. Разорванныя и полуобвалившіяся скалы непрерывно загромождаютъ дорогу огромными глыбами. Мѣстами во впадинахъ виднѣн снѣгъ, не тающій до середины іюня. Тамъ, гдѣ дорога расширяется, давая просторъ глазу, видны изъ за краевъ ущелья, на весьма недалнемъ разстояніи, сосѣднія вершины, покрытыя пеленою снѣга. Эти тающіе снѣга питаютъ быструю, горную рѣчку Кастекъ, которая съ шумомъ бѣжитъ по ущелью, перебрасываясь бѣлой пѣною по камнямъ, мѣстами загромождающимъ ея русло. По закону, общему для всѣхъ горныхъ рѣчекъ, берущихъ начало въ горныхъ снѣгахъ, вода ея въ полдень и къ вечеру гораздо выше, чѣмъ утромъ и ночью.

Въ расширеніи Кастекскаго ущелья близъ перевала примѣтны параллельныя невысокія гряды, которыя кое гдѣ пересѣкаются другими поперечными грядами, выходящими изъ боковыхъ долинъ и ущелій. Эти гряды, по мнѣнію г. Сѣверцева, суть морены, слѣды когда-то бывшихъ здѣсь ледниковъ.

Растительность во всемъ Кастекскомъ ущельѣ весьма богата и разнообразна. Не смотря на значительную абсолютную высоту ущелья, въ его падахъ, защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ, растетъ много красивыхъ,

цвѣтущихъ растеній; ирисъ, тюльпаны, желтый шиповникъ и множество яркихъ полевыхъ цвѣтовъ испещряютъ горные скаты, значительно смягчая общій, дикій видъ ущелья. Порою раздается рѣзкій крикъ горнаго рябчика или свистъ сурка *), подымется орелъ съ высокой, скалистой вершины, описывая плавные круги по воздуху, надъ ущельемъ. По болѣе отлогимъ скатамъ, заросшимъ травой, видѣется мѣстами тропинка, пробитая барсукомъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ ущелье все болѣе суживается, становится мрачнѣе; гранитныя глыбы висятъ надъ вашею головою. Иногда слышите вы трескъ, и огромный валунъ съ грохотомъ падаетъ въ рѣчку Кастекъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ. Такіе каменные обвалы составляютъ единственную опасность переѣзда по Кастекскому ущелью. Но вотъ—скаты ущелья начинаютъ замѣтно понижаться, спускъ становится отложе. Вдали видна уже степь, покрытая высокою травой... Ущелье кончилось.

Вѣрный недалеко; снова обрисовывается съ лѣвой стороны дороги масса Александровскаго хребта, видѣнъ вдали высокій Талгарскій пикъ. Верстовые столбы обозначаютъ почтовую дорогу, напоминая далекую Русь. Выселокъ Кескеленскій или Любовный служитъ какъ бы преддверіемъ областного города Семирѣчья, гдѣ жизнь и вся ея обстановка сложилась уже не на азіатскій, а на русскій ладъ, а киргизскій и татарскій элементы являются только какъ посторонняя, почти ненужная примѣсь.

Н. Маевъ.

Смерть Гэуарда въ Яссинѣ.

Число изслѣдователей, заплатившихъ своею жизнью за стремленіе проникнуть въ неизвѣстныя области Средней Азіи, увеличилось въ августѣ 1870 года еще одной жертвой: Гэуардъ, столь блистательно совершившій путешествіе въ 1868 и 1869 годахъ изъ Индіи черезъ Гималаи и Куень-лунь въ Кашгаръ, убитъ владѣтелемъ Яссина, откуда онъ хотѣлъ отправиться на Памиръ. По первоначальному плану, Гэуардъ хотѣлъ пройти на Памирское плато изъ Кашгара; но встрѣтивъ къ тому затрудненія со стороны кашгарскаго правителя Якубъ-бека, онъ рѣшился проникнуть на Памиръ изъ Кашмира, за тѣмъ пройти по этому плоскогорью и выдти въ русскій Туркестанъ. Лондонское географическое общество, по порученію котораго путешествовалъ Гэуардъ, обратилось къ посредству русскаго географическаго общества объ оказаніи Гэуарду содѣйствія со стороны русской власти въ Туркестанѣ, въ случаѣ, если бы ему удалось дойти до русской границы. О послѣднемъ путешествіи Гэуарда *Petermann's Geographische Mittheilungen* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

Въ ноябрѣ 1869 года онъ отправился изъ Кашмира, чрезъ Скардо въ горную долину Джильгитъ. Изслѣдовавъ большую часть Джильгита, онъ перешелъ въ лежащее въ верхней части той же долины владѣніе Яссинъ, куда и прибылъ около конца февраля 1870 года. Владѣтель Яссина, Миръ-Вулли-ханъ, принялъ его весьма ласково и обѣщалъ дать конвой для перехода черезъ Даркотскій перевалъ въ верховья Аму-Дарьи. Такъ какъ въ это время года перевалы еще были завалены снѣгомъ, то Гэуардъ ограничился только экскурсіями къ подошвамъ переваловъ и, закончивъ свои изслѣдованія въ Яссинѣ, вернулся въ Кашмиръ. Въ концѣ іюня онъ снова отправился въ Яссинъ, и на пути туда послалъ изъ Джигильта 6 іюля 1870 года свое послѣднее письмо. Неизвѣстно, почему Миръ-Вулли-ханъ измѣнилъ свои отношенія къ Гэуарду; но какъ только онъ отправился къ Даркотскому перевалу, Миръ-Вулли послалъ вслѣдъ за нимъ нѣсколькихъ джигитовъ. Гэуардъ отнесся къ этому подозрительно, во

*) По киргизски—суръ.